

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Год издания третий.

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, 10, Троицкое подворье,
редакция „Вестника Синода“.

ИЗДАНИЕ
Священного Синода
Р. П. Ц.

№ 4 (17)

1927 год.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на 10 №№ — 6 руб., за пять №№ — 3 руб.

Цена отдельного № — 75 коп.

Двойного — 1 р. 50 коп.

Наложенным платежом журнал высылается на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть официальная.

1. Приветственная грамота Священного Синода Православной Российской Церкви Вселенскому Патриарху (и другим Восточным Патриархам) по случаю праздника Святой Пасхи.
2. Циркулярное приветствие Священного Синода Архипастырям, Пастырям и всем верующим с праздником Святой Пасхи.
3. Циркулярное обращение Священного Синода (для прочтения в церквах) с выяснением исторического значения и сущности обновленческого движения в Православной Церкви.
4. Бюллетень Информационно-Организационного Отдела № 7, от 15 марта 1927 года.
5. Бюллетень от того же Отдела № 8, на 15 апреля 1927 года.
6. Циркулярное обращение Священного Синода к Е. У - ям с руководственными указаниями по вопросу о подготовке к празднованию пятилетнего юбилея обновленчества.
7. Циркуляр Организационного Отдела при Священном Синоде с указанием важнейшего материала по обновленческому движению.
8. Циркулярное сообщение Св. Синода Е. У - ям о кончине патриарха католика Грузии Амвросия.
9. Грамота Св. Синода Православной Российской Церкви митрополиту Тульскому Виталию.
10. Указ Св. Синода Тульскому Епархиальному Управлению.

Часть неофициальная.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

11. К празднику нашего дела. — МИТРОПОЛИТА АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО.
12. Пять лет... — АРХИЕПИСКОПА НИКОЛАЯ ПЛАТОНОВА.
13. Пять лет борьбы за церковное обновление. — Профессора Б. В. ТИТЛИНОВА.
14. Подготовка обновленческого движения в Петербургской Духовной Академии. — Профессора С. М. ЗАРИНА.
15. Перемена управления в Поместной Церкви влечет ли неизбежно за собой оскудение в ней спасительной благодати. — Проф. прот. Н. Г. ПОПОВА.
16. Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом П. Р. Церкви. — ЕПИСКОПА КУРСКОГО ГЕРВАСИЯ
17. Обновленчество и сектантство (к пятилетию обновленчества). — Проф. В. В. БЕЛОЛИКОВА.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ПРОВИНЦИИ.

18. Голос простой мирянки (очередной Епархиальный съезд в Ленинграде).
19. По поводу моего перехода в обновленчество. — ЕПИСКОПА СЕРГИЯ (ЛАВРОВА).
20. Речь, произнесенная епископом Сергием (Лавровым) при вступлении в братское во Христе общение с митрополитом Николаем и духовенством г. Ташкента.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция просит подписчиков при обращении в редакцию за справками или с подпиской указывать номер подписки, за которым высылается журнал.

Подписчикам рекомендуется самим следить за подпиской, во избежание перерыва в высылке журнала.

При новой подписке необходимо указывать, с какого номера высылать журнал.

Присылайте корреспонденции о местной церковной работе.

От Просветительного Отдела Священного Синода.

„Вестник Священного Синода“ необходим каждому пастырю. Выписывайте журнал!

Богословские школы необходимы Церкви. Собирайте пожертвования на нужды богословского образования!

Если каждый верующий даст копейку в месяц — школы будут обеспечены. Организуйте временные богословские курсы!

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Его Всесвятейшеству, Архиепископу Константинополя—Нового Рима и Вселенскому Патриарху Василию III.

Приближение «праздника праздников» и «торжества христианских торжеств», — когда все исполнится благодатного света преславного воскресения Христова — наполняет сердца наши трепетным предчувствием этой великой духовной радости, и побуждает прежде всего вспомнить с сыновнею преданностью и любовью Ваше Всесвятейшество и принести от всей души пасхальное лобзание и привет словами «Христос воскрес».

Воскресение Христово содействует твердую и непоколебимую нашу веру в торжество Церкви Христовой и, напоминая нам непреложность обетования воскресшего Господа: се аз с вами есть до скончания века, — с особенною силою побуждает нас достигать единства церковного в неразрывном каноническом общении с Православными Восточными Патриархами.

Священный Синод Православной Российской Церкви, уверенный в глубоком интересе и отеческом сочувствии Вашего Всесвятейшества к делу преуспения Православной Церкви в пределах СССР, — счастлив засвидетельствовать, что право-

славно верующие все крепче и крепче сплочиваются вокруг Священного Синода, видя в нем своего единственно надежного руководителя в духовной жизни.

Предположенный в конце текущего года Поместный Собор в Москве, который, — уповаем, — совершит свою работу при участии Вашего Всесвятейшества, — надеемся и молитвенно желаем, — доведет до конца это необходимое дело, во имя торжества Правды Христовой и разрешит всякие сомнения, недоумения, к радости всех истинных чад Православной Христовой Церкви.

Да ниспослет же Воскресший Господь, Победитель смерти и ада, неомрачаемую радость в сердце Вашего Всесвятейшества, удаляя все скорби, и да соделает этот Великий День поистине радостным предначатием «невечернего дня Царствия Христова».

Братски приветствуя и целуя Ваше Всесвятейшество, Священный Синод Православной Российской Церкви испрашивает себе молитв и благословения Вашего Всесвятейшества, Первостоятеля Церкви Вселенской.

Христос Воскресе!

Обращаясь с сим всерадостным приветствием к Преосвященным Архипастырям, благоговейным Пастырям и всем во Христе братьям и сестрам Православной Церкви Российской, Священный Синод искренне желает всем, да озарит Воскресший Господь Бог лучами Своей благодатной силы и любви всех трудящихся на Ниве Церкви Его.

Сила Его благодатная нужна нам, чтобы не унывать в злострданиях; сила Его нужна нам, чтоб не устать в делании; сила Его нужна нам, чтобы противостоять клевете человеческой; сила Его нужна нам, чтобы преодолеть упорство ожесточенных. Сила Его нужна нам, чтобы во имя Его, а не во имя сынов человеческих, совершалось созидание Церкви, обновление жизни Ее...

Еще не так много нас, как хотелось бы нам. Но Воскресший, Давший силу свою немногим и ими мир просветивший —

вас всех, учеников Его, вышедших на дело святое, великое, — укрепит, если сердце Ваше всегда будет устремляться к Нему.

Сердце наше да озарится светом любви Жизнедавца! С этой любовью мы делали дело свое; с любовью Христовой обращаемся к чадам Божией Церкви — примиритесь друг с другом; этой любовью согреем сердца и радостно друг друга обйдем. В любви ко Христу, в любви к Его Церкви, в любви к заблуждающимся братьям нашим упорным — залог осуществления истинной веры в Соборную Церковь... Укрепимся же в любви!

Священный Синод, в единстве веры, мира и любви с блаженнейшими предстоятелями Восточных Божиих Церквей, «Истинного благочестия хранителями», — в радости пасхального торжества почерпает силы к неуклонному стоянию за истину Евангельскую и призывает Божие Благословение на всех ревнителей мира и единения в Церкви во имя Победителя Смерти Господа Иисуса Христа, Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

Циркулярно.

Для прочтения в Церквах.

... Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви, Боголюбивым Архипастырям, Честным Пресвитерам и возлюбленным о Господе чадам Христовой Церкви.

РАДОВАТИСЯ.

Христос Воскресе!

В эти дни, залитые пламенными потоками пасхальной радости, совершается чудесный праздник обновления Св. Церкви Божией.

Пять лет назад передовые церковные деятели, представители духовенства крупнейших церковных центров нашей обширной Родины, беседовали с почившим б. п. Тихоном о делах церковных. Тогдашнему вождю Русской Церкви эта делегация детально изложила, как лжив и опасен тот политический путь, которым вел патриарх Русскую Церковь. Делегация указывала, как губится и бесславится этим дело Христово. Делегация звала патриарха пересмотреть свое дело и круто повернуть курс церковного корабля: не к огням монархических возжелений, но к звездам идеалов Евангелия. Патриарх фактически согласился с основными взглядами делегации, отстранил себя от управления Церковью и благословил созыв Собора.

Так обновленчество вылилось в огромное общественно-церковное явление. Высшее Временное Церковное Управление, созданное применительно к революции б. п. Тихона (на бумаге, врученной ему петроградскими представителями делегации), озабочилось созывом Священного Собора, который в мае 1923 года осудил п. Тихона и тихоновщину, благословил инициативу обновленческих зачинателей и основные начала обновленческого строительства церковной жизни.

Получив каноническое обоснование всей своей работы, обновленческое движение смело и решительно взялось проводить в жизнь основные начала, возведенные Собором: отказ от политики, лояльное отношение к Государственной Власти, оживление соборного начала во всех сторонах церковной жизни, белый епископат, творчество в богослужебной жизни, нравственный подъем духовенства и мирян, к чему прежде всего обязывает самое наименование «обновленчество»... Собор 1925 года и ряд Пленумов Св. Синода подтвердил постановления Собора 1923 года, а жизнь блистательно доказала несомненную правильность обновленческих взглядов и решений. Св. Синод совершенно отчетливо видит ряд перебоев и недочетов церковной работы за протекшее пятилетие. Но в то же самое время Св. Синод не может не видеть и огромных достижений за этот период.

В самом деле, руководимая явно-политической верхушкой, возглавляемой Тихоном, церковная жизнь шла к неминуемой катастрофе. Обновленчество, разорвав с каким бы то ни было политиканством, раз и навсегда освободило Св. Церковь от политических потрясений, политической борьбы, в которой

успех неизбежно чередуется с падением. Церковь есть дом Божий, чертог вечности, где правда Христова осуществляется в нравственно-возрожденных душах верующих. И пусть злобствуют инакомыслящие, пусть, забывшие свой архипастырский долг, вожаки староцерковщины здесь и, особенно, за границей зовут Церковь обратно в монархические объятия, — нет, это стало нравственно невозможным для подлинных чад Церкви. Необходимо отметить, что даже многие староцерковники становятся на нашу обновленческую точку зрения в отношении политическом. Это — блестящее доказательство того, насколько верно и глубоко обновленчество здесь выявило истину.

Отказавшись от политики, основываясь на мудром декрете об отделении Церкви от Государства, обновленчество призвало к лояльному, честному отношению к существующей государственной власти.

Нравственный подъем, уподобляющий нас Всемогущему Богу, определяет и всю практическую работу обновленчества. В заботах о должной моральной и интеллектуальной высоте священства, и в частности — епископата, обновленчество поставило выдвигать на эти высшие посты церковной работы лучших членов Церкви, независимо от их семейного положения, полагая, что мы приближаемся к Богу не семейными своими обстоятельствами, но высотой своей работы на благо Св. Церкви. Вот почему, на ряду с монашествующим епископатом, в жизнь вошел и семейный епископат, впервые установленный самими святыми апостолами, при чем Пленумы Св. Синода неоднократно подчеркивали равночестность брачного и безбрачного епископата, а жизнь доказала, что наиболее блестящими работниками за пятилетний период существования обновленчества, — явились как представители черного, так равно и белого епископата. Таким образом, жизнь доказала всю справедливость обновленческого лозунга равночестности епископов семейных и бесемейных. Второбрачие духовенства, введенное в жизнь, на основании многовековой практики вселенской Церкви, равным образом, оправдалось практикой жизни.

Чрезвычайно заботит Св. Церковь вопрос о смелости ее работников. Окруженная непониманием своих задач и целей, Церковь должна иметь священство, которое сумело бы не только отправлять требы, но и стоять на страже Св. Истины. Вот почему так остро стоит вопрос о подготовке будущих пастырей. Св. Синоду удалось, при всей стеснительности своего материального положения, открыть ряд высших и средних духовных учебных заведений, где авторитетные богословы преподают научное слово об истинах веры многим десяткам и сотням юношей. Просветительная деятельность обновленчества должна быть, отмечена сугубо. Ряд архипастырей и пастырей, профессоров богословия и рядовых мирян все эти годы усердно потрудились для общественного и церковного широкого разъяснения сущности Св. Церкви, ее действительных целей и всей глубины и красоты

Богооткровенной Истины. Эта сторона деятельности обновленчества вызывает уважение даже со стороны инакомыслящих верующих — староцерковников, а равно отмечалась и приезжавшими эти годы епископами р.-католической и американской церкви. Ныне обновленчество ведет планомерную борьбу с современным еретическим — сектантством, и, с Божией помощью, не бесплоден труд наш.

Оживление соборного начала в управлении Церковью и вообще в строительстве церковной жизни, — другой благословенный факт. Вместо монархического принципа патриаршества и деспотического архиерейства, ныне торжествует православная Соборность, во всех сторонах церковной жизни. Св. Синод, епархиальные управления, а равно и приходские, осуществляют это плодотворное соборное строительство.

Внешнее изменение управления церковью сопровождается и внутренним оживлением. В ряде мест мирянство принимает действительное участие в богослужении, преобразовывая свою душу частой Евхаристией, украшая службу народным пением, а отечественный язык помогает воспринять всю сладость и мудрость службы Божией...

Вот то основное, на чем Св. Синод считает возможным остановить ваше внимание, верующие христиане.

Если вы сопоставите с нашей работой тот церковный хаос, в котором находится жизнь именующих себя староцерковниками, которые, оторвавшись от церковного единства, доходят подчас до самого искажения богооткровенных истин (что явствует из примера м. Антония Храповицкого), то еще яснее начинаем сознавать присутствие с нами Всепомогающей благодати Христовой, ясным внешним выражением чего является наш тесный канонический союз с Восточной Церковью в лице ее патриархов.

Вот почему так светел праздник наш.

И когда, в часы молитвенного предстояния перед Богом, предстанем мы перед Всемогущим, Всезнающим и Вселюбящим, воздадим славу и песнь сердца Ему, Творцу всяческих. Ибо воистину, единым Христом совершенно сделанное, единым Господом довершится несотворенное!

С пламенной верой и сердцем, объятых любовью к ближнему, будем неленостно продолжать подвиг обновления Св. Церкви. Призовем братьев отпадших, вразумим сердце их, еще не познавшее Правды Божией. Сольемся в единую Преображенную семью церковную, где Милость и Правда встречаются, где любовь и истина лобызаются!

О, да облобызаемся же все мы, православные братья, пасхальным поцелуем спасения и христианской любви и с новыми силами довершим Богом повеленное всем нам, православным верующим, обновление на вечных началах вселенского православия Церкви Христовой, ему же со Отцом и Духом Слава и держава во веки веков. Аминь.

Бюллетень № 7, на 1 марта 1927 года.

Наблюдение за церковной жизнью после январского Пленума Св. Синода устанавливает наличие планомерной работы в деле осуществления положений и конкретных заданий, принятых на Пленуме.

Наш центр — Св. Синод, — помимо быстрой информации о работах Пленума, осуществляя лозунги организационного строительства, кратко и отчетливо высказал основные положения своего церковно-строительного плана и облек их в форму 6 тезисов, безусловно необходимых для восстановления нарушенного единства Церкви. Эти положения, разосланные на места, посланные и староцерковническим епископам и объединениям, показывают, что Синод пробуждает церковное сознание верующих, заставляя его дать себе ясный отчет, желательны ли начало соборности, вселенскости, верности прошлому опыту Церкви, духовного просвещения, необходимого реформизма и аполитичности, — положить в основу строительства или нет. Для тех, кто согласится с этими началами, нет препятствия к общей работе, т. к. Синод вновь наметил созыв Общего Поместного Собора в октябре — ноябре текущего года, который сможет решить, как изволится ему, вопросы управления, дисциплины, быта Церкви и пр., из-за которых сейчас разделяются верующие.

Дело местных работников эти начала надлежащим образом осветить в сознании массы, имея в виду не столько руководителей староцерковничества, сколько те слои верующих,

которые душевно скорбят о церковном разделении. Эта работа, сознательная проработка выставленных Синодом положений церковного строительства, будет первым шагом на пути достижения церковной грамотности народа.

Посланное Св. Синодом приглашение Восточным Патриархам прибыть в Москву на предстоящий Собор подчеркивает готовность Синода представить свое дело на высший суд Православной Церкви и должно быть особенно подчеркиваемо в сознании верующих.

Среди верующего населения Москвы и среди рядового московского духовенства эти шаги Св. Синода находят живой отклик и сочувствие. Нельзя еще сейчас сказать, во что это конкретно выльется, т. к. главные руководители староцерковничества боятся всякой гласности, соборности, не имея ни плана, ни целей работы, но характерно идеологическое завоевание части сознания московского духовенства, которое, вполне соглашаясь с положениями Синода, вместе со своими Приходскими Советами, напряженно ищет выхода, как бы и «революции» против упорствующих своих епископов не произвести, и на путь признанного соборного устройства Церкви стать.

Дай Бог, чтобы скорее они пришли к сознанию, что необходимо повиноваться Богу, а не человеку, хотя бы последние и носили сан епископа...

В организационной работе места не отстают от центра. За это время поступившие сведения рисуют положение в Ле-

нинграде, где состоялся очередной Епархиальный С'езд. Выборы на него были произведены организованно, — на 100 зарегистрированных избирателей избирался один делегат, и подсчет этих избирателей дал внушительную цифру до 4.000 человек. Мандатная Комиссия С'езда рассмотрела документы, и, учтя все данные, определила, что в Ленинграде мы располагаем ядром до 20.000 ч. синодалов, да, кроме того (правда, слабо), наше движение имеет ячейки и во всех уездах епархии.

Понятно, что организовать эту массу являлось задачей С'езда, и напряженная работа с'ездовых комиссий помогла выработать ряд положений идеологического, организационного, хозяйственного характера, которые помогут развивать дело. Миряне проявили особенный интерес и оказали существенную помощь работам С'езда, почему и в новое Епархиальное Управление их выбрано семь человек.

На С'езде широко дебатировался вопрос о реформации и был вырешен в полном соответствии с решением по сему вопросу последнего Синодального Пленума.

С'езд же почил избранием во епископа Ректора Богословского Института протоиерея П. В. Раевского, и хиротония его во епископа Кронштадтского состоялась в Казанском Кафедральном Соборе г. Ленинграда при громадном стечении верующих 13 марта.

Расширенные Пленумы Епархиальных Управлений в целом ряде Епархий уделили внимание проработке на местах постановлений Синода, и некоторые Епархиальные С'езды (Новгородской еп.) с особенной настойчивостью выдвинули идейную моральную сторону нашего движения. Новый епископ Новгородский Сергей (Танаевский) с'умел в короткий срок созвать первый (с 1923 года) с'езд в г. Новгороде и, кроме плана организационной работы, провел лозунг «трезвеннического движения» (в самом широком смысле этого слова), как необходимой основы нашей работы среди массы. Сам он, — давнишний работник по трезвости, нашедший себе и в Новгороде помощника, убежденного трезвенника и борца за трезвость, протоиерея Петра Бельтюкова, избранного С'ездом во епископа Старорусского. О. Бельтюков принимает монашество. Пленум Митрополитанского Управления Кавказского Края, под председательством нового митрополита Петра (Сергеева), провел большую организационную работу, с особенной настойчивостью выдвигая организованное благотворительство средством действительного просвещения народных масс.

Подвиги апостольства архипастырей (Митрополита Благовестника, Архиепископа Иоанна Ульяновского, Архиепископа Григория Амурского, Епископа Николая Рязанского и др.) делают прямо чудеса. Из Брянска цищут, каким триумфом обновленчества явились лекции и проповедь там Митрополита Александра, тихоновские приходы Ульяновской епархии, посещенные архиепископом, начали сознательно относиться к духовной жизни, благодаря чему староцерковнический епископ Виссарион в некоторых селах и принят не был, а в некоторых, благодаря пышности, являющейся бременем для населения, произвел впечатление далеко не в свою пользу. Амурский архипастырь, с опасностью для здоровья и жизни, за время с 20 января по 23 февраля с. г. сделал 500 слишком верст на лошадях и 860 верст по железн. дороге, об'ехав 25 приходов. Епископ Николай Рязанский (Шумовский) об'ездами достиг того, что целые благочиннические районы (14 приходов и 17 приходов) организованно присоединяются к новому Владыке, на собраниях оформляют свои новые отношения к церковной власти. На Епархиальном собрании Каменской епархии целый ряд тихоновских председателей Приходских Советов (Мурник, Ларионов, Темкин, Кисвакин) выступали с заявлениями, что они поняли правду синодального течения.

Священники, вынужденные обстоятельствами уйти из синодальной организации, возвращаются к нам, — так свящ. Омской епархии Александр Шавров не только в заявлении нашему архиепископу, но и в заявлении к архиепископу Виктору (тихоновскому) от 29/XI—26 г. пишет, что он не нашел правды в тихоновском движении.

Кроме того, и отдельные тихоновские епископы находят в себе силы преодолевать чувство человеческой обиженности и честно стать в ряды церковных прогрессистов, руководимых Св. Синодом. Так, бывший в Туркестане еп. Сергей (Лавров), публично исповедав свое обращение, вошел в подчинение Священному Синоду и сейчас находится в Москве, ожидая назначения. Здесь он на собрании пастырей и мирян (представите-

лей московских приходов) в обширном докладе раскрыл причины, побудившие его перейти к Синоду, и по личным наблюдениям, как вышедший из гущи руководителей тихоновщины, — обрисовал настроения и внутреннюю сущность последней, как организации инертной, с обиженными и озлобленными руководителями, живущей в массе политическими надеждами на изменение государственного и социального строя, — «отсидимся, мол, до чего-нибудь».

И такая субъективная характеристика не далека от истины. Факты говорят о том, что руководители староцерковников не ведут никакой положительной работы, если не считать того, что они «сейчас все внимание направляют на мистическое «гипнотизирование» масс.

Крайности религиозно-мистических настроений среди руководителей тихоновщины берут сейчас верх.

Создается подпольная мистически настроенная, фанатичная религиозная организация, с тайными монашескими постригами (Ленинград), с невидимыми, но всеильными штабами (Москва); для народа продолжают переосвящения, перерукоположения, церемонии публичных покаяний. Характерно, что в своем ретивом стремлении воздействовать на массу тихоновские верхи незаметно извращают догматы о Церкви. В подписке-присяге, которую дал в Киеве перешедший в тихоновщину священник, публично прочитав ее и подписав, говорит-ся, что он обещается до гроба хранить верность «Единой, Святой, Соборной, Апостольской, Патриаршей Церкви» и, таким образом, признак патриаршего управления вкрапляется в догматическое исповедание веры в Церковь (См. № 5, журнала «Украинский Благовестник»).

Благодаря отсутствию положительной церковной работы в верхах «тихоновщины» все развивается разложение их и наблюдается борьба церковных группировок. Не уменьшается она в Рязани, обостряется в Уральской области, укрепляется в Томске, где арх. Димитрий Беликов об'явил на Епархиальном С'езде свою епархию автокефальной, ни Петра Крутицкого, ни кого другого не признающей; создается в Благовещенске, где во главе группы тихоновцев, признавших ВВЦС, стал священник, от нас перешедший в тихоновщину, и запрещенный ЕУ в священнослужении, теперь запрещенный одним тихоновским епископом (Сергиевцем) и благословенный на священнослужение другим (Григорьевцем) и т. д.

Нам нужно неослабно, напряженно вести положительную работу, и этим мы победим.

Священный Синод после Пасхи организует краткие Миссионерские курсы, в осуществление пожелания Всесоюзного Миссионерского Собрания, и это должно помочь нашим активистам плодотворнее работать в защиту Св. Православия.

Юридически наше положение все крепнет. Епископы-эмигранты готовы опираться даже на мнения кого угодно, реакционных китайских генералов, о незаконности Св. Синода и о своей законности; так он, Нестор, ездил с приветствием к Чжан-Цзо-Лину и имел с ним беседу о церковных делах в России, при чем Чжан-Цзо-Лин заявил, что он считает вредным и недопустимым такие группировки, как обновленчество. Эмигрантская пресса жирным шрифтом печатает это «высокоавторитетное мнение» («Заря» 12/V 1926 г.).

Митрополит Евлогий в своей борьбе с м. Антонием и Синодальной организацией за границей почел за лучшее опереться на Англию, подготавливая унию с англиканской церковью, лишь бы утвердить свое положение. Посетил недавно Лондон, был в молитвенном общении с англиканами, несмотря и на женатость их епископов и на допущение второбрачия и многое другое.

В то же время Американский Высший Суд оказался вынужденным, в силу представленных доказательств, вновь признать нашего митрополита Иоанна Кедровского единственно законным представителем Русской Православной Церкви в Америке, а не единомышленника м. Евлогия, Платона Рождественского, и предписал передать митр. Иоанну все русское церковное имущество (115 Церквей). Сообщение об этом опубликовано и в американской прессе.

Так, при более или менее объективном подходе к вопросу о правомочности Св. Синода, со всех сторон подтверждается правильность и закономерность нашего святого дела.

Марта, 24 дня 1927 г.

№ 1152.

Циркулярно.

Епархиальному Управлению.

Организационный Отдел Священного Синода обращает внимание местных работников на нижеследующее.

К празднованию пятилетнего юбилея обновленчества, назначенному на 15 мая с. г., необходима предварительная подготовка, чтобы юбилей дал практические организационные результаты.

Празднование юбилея должно: 1) дать целостную картину обновленческого движения, как исторически необходимого процесса церковной жизни; 2) вскрыть на фактах пятилетнего периода основные идеи обновленческого движения; 3) дать правильный анализ окружающей обновленцев церковной действительности; 4) наметить возможную будущность нашей работы.

Для этого теперь же нужно:

а) Среди широких масс верующих популяризировать этот юбилей, чтобы он явился действительным смотром наших сил во всех отношениях, путем докладов, проработки вопросов, как ярче провести юбилей, в Приходских Советах, путем широких приходских мирянских собраний и пр.

б) ЕУ предложить всем активным работникам дать свои воспоминания о первых шагах обновленчества и об отдельных характерных фактах местной жизни за этот период.

в) ЕУ образовать юбилейные комиссии, которым предложить сделать некоторые общие выводы из этого материала.

г) Собрать и систематизировать все документы (заявления, подписи, воззвания, распоряжения и пр.), обрисовывающие деятельность и взгляды староцерковнических епископов и деятелей, — как в бытность их в ведении ВЦУ или Синода, так и после отхода от синодальной организации.

д) Разработать программу торжеств, применительно к местным условиям.

е) Обратит внимание на предварительных широких докладах на обновленческое движение до 1922 года, используя, где возможно, материалы Предсоборного Совещания, отзывы преосвященных о необходимых реформах, Положение о Соборе 1917—18 г.; Областные и Митрополитанские Управления приглашаются в этом отношении прийти на помощь Епархиям, выработать определенные тезисы, на основе вышеуказанного материала (использовав статьи «Вестника Священного Синода», «Украинского Благовестника», Деяния Собора 1917—18 г. и др.).

ж) Озаботиться систематизированием материалов, определявших положение патриарха, объем его власти и условия суда над ним.

з) Теперь же наметить и темы богослужебных проповедей на юбилейных торжествах с тем, чтобы характер этих проповедей и поучений был чисто религиозный, в целях уяснения внутренней, духовной значимости нашего движения.

Всю означенную работу желательно провести безотлагательно, — за всеми необходимыми справками обращаться в Организационный Отдел и в информационном порядке дать Священному Синоду отчет о проведенной работе.

Бюллетень на 15 апреля 1927 года.

Скорбную картину являет в настоящее время та часть Русской Церкви, которая, оторвавшись от соборного начала в устроении церковной жизни, ищет возможности жить и развиваться лишь по доверию к отдельным своим руководителям. Несогласие этих руководителей между собою дает себя чувствовать в толще рядового духовенства и верующего народа, и мы присутствуем при неудержимо развивающемся дроблении Православных людей на отдельные церковные сообщества.

Недавно еще казавшаяся чуть не монополярной «сергиевщина», — часть староцерковников, признающая заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия Нижегородского, — теперь в разных местах дает глубокие трещины.

Из далекого Алтая доносят, что в г. Барнауле на 15—18 февраля был назначен староцерковнический съезд. Съезд состоялся. Уже до Съезда оказались налицо две партии, обе настолько враждебные синодалам, что даже не пускали последних на свой съезд. Одни ждали епископа Никиту от Митрополита Сергия, другие — епископа из Москвы от архиепископа Григория. Ни тот, ни другой не приехали, и Съезд определенно раскололся, ища, где сейчас церковная глава. Бюро съезда предварительно запрашивает б. Бийского архиепископа Иннокентия и арх. Димитрия Томского, кто является, в настоящее время Высшей церковной Властью. Ответы получились уклончивые, а последний Владыка прямо ответил, что он и сам не знает, какая у них власть. На Съезде глава местной тихоновщины прот. А. Завадовский пришел к выводу, что у них, в сущности, нет законной и канонической власти, ибо все местоблюстители, каждый в отдельности и все вместе взятые, неканоничны по ап. пр. 76 и Ант. 23, строго осуждающим передачу церковной власти по завещанию наследникам. Но и ВЦС неканоничен, так как, по мысли докладчика, захватил власть; однако, прот. Завадовский склонился к признанию этого последнего, как легальной организации, имеющей возможность созвать Поместный Собор, и к этому мнению присоединилось большинство собраний. Епархия из «Сергиевской» стала «Григорьевской».

То же и в Ульяновской епархии, где Епархиальный Съезд староцерковников состоялся в г. Карсуне 23 марта с. г. Здесь епископ Виссарион, основываясь на том, что покойный патриарх Тихон «благословил его во епископа Ульяновского, несмотря на то, что «сергиевская» часть тихоновщины не хотела его принимать, как признающего ВЦС, — своим докладом убедил Съезд в правильности позиции последнего, как могущего вывести Пр. Р. Церковь на путь соборности, и Съезд избрал епископа Виссариона с титулом архиепископа Ульяновским архипастырем.

При чем характерно, что епископ Виссарион уже готов отказаться и от митрополита Петра Крутицкого и предлагает съезду послать просьбу митрополиту Агафангелу, чтобы тот встал во главе Р. Церкви.

Вр. В. Ц. Совет вообще стремится развить свою деятельность. Видно, что неправильность линии, взятой митрополитом Сергием, нарушение им основ канонического устройства и управления церкви, заставляет самих тихоновцев искать других путей и других вождей.

Епископ Борис (Рукин) Можайский печатно издает брошюру «О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви». М. 1927 г., где с убедительностью доказывает, что «Св. Апостолы, 217 отцов собора Карфагенского, 170 отцов Собора VI Вселенского и 365 св. отцов VII Вселенского, а всего 754 св. отца, вместе со Св. Апостолами, с высоты небесной свидетельствуют о беззаконии митрополита Сергия и произносят свой грозный приговор над ним и над его споспешниками» (стр. 12—13).

Действительно, митрополит Сергей не имел право принимать звание заместителя Местоблюстителя, поскольку такая передача ему полномочий противоречит постановлению Собора 1917—1918 г.; он не имеет права управлять единолично; он не имеет права без суда запрещать в священнослужении епископов; он производит смуту в церкви со своими «24 потерявшими уважение ко всему святому епископами» (стр. 13).

В Православной Церкви он пытался устроить полное разделение и нанести ей непоправимый вред, помешав ей стать на путь вполне легальной, открытой, свободной жизни. (Стр. 14).

Это пишет епископ, отмежевывающийся от обновленцев (стр. 8), благоговейно чтущий память патриарха, и, однако, не могущий далее терпеть гибельного для Церкви произвола митрополита Сергия.

Нам же ясно, что все то, за что сетуют сторонники ВЦС на митрополита Сергия, — с логической неизбежностью приложимо и к митрополиту Петру Крутицкому и б. покойному патриарху, именем которого они прикрывают свое противоканоническое церковное объединение: мы стоим перед фактом ерхьерейской борьбы за власть, но характерно, что даже к такому, весьма и весьма сомнительному, объединению присоединяются верующие лишь бы уйти от «единодержавия» митрополита Сергия, попиравшего все начала соборности.

Действительно, последний и его руководящая группа не брезгают ничем и никем, чтобы только удержать за собой власть.

Так, с одной стороны, как выяснилось из докладов на патриарско-мирянском собрании в Москве 13 сего апреля, «сер-

гиевская» группа культивирует тайное «старчество», связывая отдельных лиц (духовенство и мирян) клятвенными подписками о «послушании даже до смерти», создает организацию, которая приобретает исключительное и самодовлеющее значение, устами «старцев», — иной раз 30-летнего возраста, недавно принявших священство из б. офицеров и др. сословий (в Москве), — определяя, кому из епископов можно повиноваться, кому нет, распоряжаясь судьбою священников и пр. Такое религиозное «изуверство», парализующее собственное сознание верующего, тормозит дело церковного единения, хотя верующие всех ориентаций живо откликаются на призыв Св. Синода об общем Соборе.

С другой стороны, митрополит Сергей не стесняется единолично назначать, кто только готов ему служить, на епископские кафедры. Так, им выдано удостоверение «известному» б. епископу Владимиру Путятю, лишенному сана (Собором 1917 года) и отлученному от Церкви, о назначении его в сущем сани архиепископом на кафедру Уральскую.

Однако, староцерковническая масса этого назначения не приняла, и в Уральске произошла великая смута: народ начинает понимать бесчиние своих вождей, раздирающих Церковь Божию.

Митрополит Агафангел, как доносят из Ярославля, повестками вызывает к себе синодальных священников «по делам службы» и, терроризируя их угрозой запрещения с объявлением по епархии, ультимативно требует присоединения к себе. Но наши пастыри тверды. Все это, в конечном счете, укрепляет наши синодальные позиции в сознании масс верующих, что и требуется для блага Церкви. Синодальная организация везде сейчас является проповедницей единства Церкви, и на этот призыв откликаются верующие.

Истекшие три недели принесли нам сведения о присоединении к Священному Синоду трех больших приходов в Осташ-

ковском уезде, Тверской епархии, где после беседы нашего архиепископа Мельхиседека — и священники, и верующие (до 2.000) пригласили Владыку в свои храмы.

Выезды членов Священного Синода, Высокопреосвященного Митрополита Вениамина, Митрополита Серафима, Митрополита Александра, Архиепископа Николая, Протопресвитера П. Красотина, Профессора С. М. Зарина в Кострому, Новгород, Тулу, Тамбов, Саратов, Баку и др. производили необразимое впечатление, народ переполнял храмы и везде жадно прислушивался к проповеди о мире и единстве, которую Св. Синод поставил в порядок дня.

Работа местных деятелей позволяет с успехом противостоять организованному нажиму староцерковников (Курская епархия, Ново-Оскольский уезд), храмы тихоновцев беднеют (Ульяновск-собор), страдают от малочисленности богомольцев (Тула), где молитвенный подвиг и такт архипастыря объединяет около святого дела Синода тысячи верующих.

С радостью отмечаем мы присоединение к нашему деланию староцерковнического работника Авраамиева монастыря в Чухломе, Костромской епархии, архимандрита Досифея, долго бывшего в Ленинграде настоятелем Федоровского храма (10 апреля хиротонисанного в Москве в Храме Христа Спасителя во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии).

Не перестает работать и богословская мысль наших деятелей, — сейчас на рассмотрение Совета Профессоров Московской Богословской Академии подано два новых магистерских сочинения.

Объективные факты и наблюдения над обще-церковной жизнью свидетельствуют о каждодневном укреплении наших всходов, и делатели церковно-соборного строительства должны готовиться к «жатве», духовной красотой архипастырского и пастырского подвига удерживая сердца людей в верности Единой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви.

Ц и р к у л я р н о.

... Епархиальному Управлению.

Организационный Отдел при Священном Синоде напоминает церковным работникам тот важнейший материал, который полезно использовать на праздновании 5-летия нашего движения при докладах, беседах, богослужениях, воззваниях и пр.

1. Действительное положение в церкви русской патриарха по определению Св. Собора: «Из определения по общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви» 4 ноября 1917 г. («Собрание определений и постановлений» выпуск I, Москва, 1918 г., издание Соборного Совета).

п. 1. В Православн. Русской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая, — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

п. 3. Патриарх является первым между равными ему епископами.

п. 4. Патриарх, вместе с органами Церковного Управления, подотчетен Собору.

Из «определения о правах и обязанностях» патриарха — 8 декабря 1917 г.

п. 10. «Предание суду и суд над ним (патриархом) совершается Всероссийским Собором епископов».

Из «Определения о Свящ. Синоде» 7 декабря 1917 г.

п. 1. «Управление церковными делами принадлежит Всерос. Патриарху, совместно со Свящ. Синодом и Высшим Церковным Советом».

Из «Определения о созыве очередного Собора» — 7 (20) сентября 1918 г.: созвать будущий очередной Собор весной 1921 г. на началах, установленных в докладе отдела о В. Ц. Управлении (то же выпуск IV).

2. Фактическое положение церковного управления к 1922 г.:

а) прекращение полномочий членов Св. Синода, в виду нежелания Патриарха созвать очередной Собор;

б) замена соборного управления единоличным патриаршим по совету с безответственными людьми и группами;

в) протест епископов против такого захвата непринадлежащих патриарху прав (арх. Нижегородский, Евдоким — см. проф. Титлинов «Новая Церковь», стр. 7);

г) распад Епархиальных Управлений и пр.

3. Вредный для церкви уклон соборных деятелей и патриарха под лозунгом «Церковь—средство для спасения родины».

Деяние Собора 1917—1918 г. — 66-е издание Соборного Совета, смотри в книге прот. А. Введенский «Церковь патриарха Тихона», стр. 34 и дал.

Заседание Собора 20 января 1918 г. санкционировало послание патриарха с призывом к противодействию распоряжениям гос. власти, под страхом отлучения от Церкви.

Дальнейшие деяния Собора и послания Патриарха, вплоть до издания распоряжения с запрещением сдавать церковные ценности (см. указанную брошюру, стр. 76 и сл. и освещение этого вопроса в работе проф. Б. В. Титлинова «Церковь во время революции». Петроград, 1924 г. и в журнальных статьях).

4. выявление организованного протеста против церковной политики патриарха в мае 1922 года.

а) Выход из «подполья» давнишних деятелей церковного обновления для выступления перед патриархом с присоединением к ним новых работников (статьи м. Александра Введенского в журнале «Церковное Обновление», 1925 г., Пасхальный номер).

б) Отход патриарха от управления Церковью и образование временного Высшего Церковного Управления (журнал «Живая Церковь», № 1 и 2).

в) Авторитетное признание каноничности ВЦУ митрополитом Сергием Владимирским (ныне Нижегородским), архиепископом Серафимом Костромским, арх. Евдокимом Нижегородским (собственноручно подписанное постановление их совещания в июне 1922 г.).

5. Послесоборная смута: укрепление православно-синодальной линии и разложение тихоновщины.

а) Деяния Соборов 1923 и 1925 г.г. Документы, протоколы пленумов и сообщения, печатаемые в «Вестнике Священного Синода».

б) Антиканоическое послание бывш. патриарха Тихона от 15 июня 1923 г., где им единолично, без соборного решения, объявляются таинства, совершаемые лицами, осудившими патриарха соборным решением, «не имеющими силы», чем и полагается краеугольный камень церковному расколу.

6. К вопросу о местоблюстителе. Определение Св. Собора от 28 июля (10 августа) 1918 года «о местоблестителе Патриаршего Престола»:

1). Местоблеститель Патриаршего Престола избирается на время междупатриаршества.

2). По освобождении Патриаршего Престола, старейший из членов Св. Синода незамедлительно созывает соединенное присутствие Св. Синода и Высшего Церковного Совета.

Из п. 3. тайным голосованием избирают Местоблестителя из среды присутствующих членов Св. Синода (Определения, вып. IV).

Ц и р к у л я р н о.

..... Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви 31 марта с. г. получил из Тифлиса от заместителя Грузинского Католикоса Митрополита Христофора печальную весть о кончине патриарха — католикоса Грузии Амвросия.

Личность почившего святейшего патриарха Амвросия имеет в истории отношений Православной Российской Церкви

к Православной Грузинской Церкви за последний период особое значение.

В 1917 году произошел разрыв канонических сношений между Православной Русскою и Православною Грузинскою Церквями из-за вопроса об автокефалии Грузинской Церкви, и таковое тягостное и ненормальное положение продолжалось почти десять лет. Со стороны Св. Синода за последние годы были употреблены все старания к возобновлению прерванных братских отношений между Русскою и Грузинскою Православными Церквями на началах искреннего доверия, внимания и любви. Почивший патриарх Грузии Амвросий пошел навстречу горячему искреннему стремлению Св. Синода к церковному миру. Письменные сношения между Св. Синодом и патриархом Амвросием привели к установлению нормальных канонических отношений между соседними братскими Православными Церквями.

• Определением общего собрания Членов Священного Синода Православных Церквей на территории Союза ССР, состоявшимся в Москве, 30 января — 5 февраля признана и надлежаще оформлена автокефалия грузинской церкви.

Вот почему Священный Синод немедленно по получении известия о кончине святейшего патриарха Амвросия выразил искреннее соболезнование Грузинской Церкви. В храме Христа Спасителя и других храмах г. Москвы были совершены панихиды по почившем католикосе Грузии Амвросии. Определением своим от 5 апреля с. г. Св. Синод постановил: сообщить об изложенном всем епархиям с разъяснением значения личности почившего католикоса и с приглашением совершить, по получении сего, поминовение покойного святейшего патриарха Амвросия служением панихид, с предварительным соответствующим поучением.

О сем Священный Синод дает знать ЕУ к сведению и объявлению по епархии.

ГРАМОТА

Священного Синода Православной Российской Церкви члену Оного Высокопреосвященному Виталию Митрополиту Тульскому и Епифанскому.

Божиею Милостью Священный Синод Православной Российской Церкви по Власти, предоставленной нам Священным Собором Св. Православной Греко-Российской Церкви, судили мы 4 марта 1927 года преподать вашему высокопреосвященству Божие Благословение за самоотверженные и плодотворные для блага Святой Православной Церкви Архипастырские труды ваши по благоустроению Тульской епархии.

Почти 5 лет тому назад, в исключительно ответственный момент существования Православной Христовой Церкви, подняли вы, Владыко, подвиг Архипастырского руководства Тульской епархией. Как добрый пастырь, право правящий слово Христовой Истины, вы явили собой достойный

подражания пример самоотверженного подвига непрестанной молитвы, почти непрерывного богослужения с общенародным пением, идущего от сердца поучения, кроткого и смиренного обращения с пастырями и мирянами.

Священный Синод, преподавая вам Божие Благословение на дальнейшие архипастырские труды ваши, воссылает горячие молитвы Пастыреначальнику нашему Господу Иисусу Христу, да укрепит Он своею благодатью духовные и телесные силы Ваши на многие и многие годы.

Благодать вам и мир от Бога и Спаса нашего да умножатся.

Дано в лето от Рождества Христова 1927, марта месяца, в 10 день.

УКАЗ

Священного Синода Тульскому Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви в заседании своем 4 марта 1927 года имел суждение о состоянии церковной жизни в Тульской епархии, о происходившем 22—23 января с. г. в г. Туле Епархиальном С'езде и с удовлетворением отметил проявленную с'ездом преданность Святой Православной Церкви, искреннюю готовность итти и других вести по пути, предначертанному соборным разумом Св. Церкви Православной, преданность своему Архипастырю и Священному Синоду. Усматривая в таком истинно христианском настроении пастырей и мирян Тульской епархии залог правильного и беспрепятственного преуспевания их в совершении своего христианского спасения и благодатного укрепления церковной

жизни в епархии, — Священный Синод преподает Божие Благословение всем Членам Тульского Епархиального С'езда и выражает им благодарность за их преданность началам святого обновления Православной Церкви.

Священный Синод призывает и всех православных христиан Тульской епархии, не находящихся еще в каноническом общении с митрополитом Виталием, сплотиться под знаменем Святого Православия вокруг единственно-канонического Архипастыря Митрополита Виталия, да будет едино стадо и един пастырь.

О сем Священный Синод дает знать Тульскому ЕУ для объявления по принадлежности.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

К празднику нашего дела.

Пятилетний юбилей обновленчества заставляет невольно призадуматься и подвести некоторые итоги.

Пять лет борьбы. Борьбы напряженной, подчас страстной. Борьбы, где истрепаны нервы, подорвано сердце, где кое-кто и вообще уже физически погиб. А подчас столь тягостное экономическое положение пастырей Синодальной Церкви. Добавьте утерянный многими личный авторитет среди некогда носившей на руках паствы. И окружающее, растущее равнодушие к Церкви, и сектантство, грозное и ширящееся, питаемое нашей междоусобной распрей... Все это, даже у людей искренних, вызывает убеждение, что обновленчество гибельно, обновленчество несвоевременно, что было бы лучше для церкви не расточать своих сил в этой братской борьбе.

Печальными нотами начинаешь ты свою праздничную статью, — слышу я ласковый укор друзей своих.

Нет, я хотел бы спеть сегодня гимн нашему делу. Великий Бетховен начал свою девятую симфонию тяжело-мрачной музыкальной фразой, но какими ликующими потоками завершается его несравненное творение! *Per aspera ad astra*, — через тернии к звездам — вот, сказал бы я светозарный путь обновленческого дела.

Видим ясно и отчетливо все тяжкие тени, не боимся скрывать их, но преодолеваем все верой в правду нашего идеала.

Пять лет назад группа прогрессивного ленинградского духовенства уполномочила меня переговорить с б. п. Тихоном о том, что неправ патриарх, что ложен путь его, что гибель грозит его делу. Я и мои спутники, мы, рядовые деятели церкви, стояли перед святейшим, великим господином и отцом. Имели мы на это право или это было дерзостью, святотатством? Не чтобы оправдать себя или заняться непристойным самохвальством ставлю я этот вопрос. Но чтобы выяснить историческую неизбежность того, что совершил через наше недостойство праведный и единый Судья жизни и церкви — Христос.

Будем говорить правду до конца. Последние века истории церкви — это непрерывный рост антихристианских тенденций в недрах церкви. Епископ Западной Церкви Преосвященный Бодриляр в декабре 1926 года сказал в одной своей речи, что, при случае, диавол закримовывается под моралиста. И как ясно видишь следы этого грима на десятках и сотнях тех, кого жизнь и привычка называла вождями церкви и кого нелегко приятная совесть истории назовет предателями дела Божия. Остановимся на последней фигуре из этого страшного синедриона внутреннего Богоотступничества — Тихон. Я не сужу его личность, — он предстоит Суду Страшному. Я сужу его дело.

Весь свой авторитет, весь пафос своего епископского сана — патриарх кому отдает? — 1917 г. Год, когда прозвучал лозунг профессора-протоиерея К. М. Аггеева «Свободная Церковь свободного народа». Двуглавый орел самодержавия испепелен молнией революции. Белоснежная голубица «свободы церковной» исторгнута из вавилонского плена. И все, что было свежого, внутренне молодого и благоуханного, в каком-то пасхальном восторге объединяется между собой, ищет идеологического и организационного целого. Эти удивительные наши собрания в квартире прот. М. С. Попова, у пророка дела нашего, приснопамятного почившего протоиерея Иоанна Егорова... Слышу речи их, огненные реплики священника Дмитрия Попова (пионера всего дела в 1917 г.), авторитетные соображения проф. прот. А. В. Рождественского и социальный пафос выступлений покойного проф. прот. М. Лисицына... Сколько было надежд и сколько было реальных оснований к уверенности, что первое обновленческое объединение, союз демократического православного духовенства и мирян, действительно объединит все живые и авторитетные силы церкви, — и свободная церковь послужит спасению свободного народа. Весна нашей надежды, увы, не пережила календарной весны. Уже первые летние месяцы приносят грозные знамения. Бывшее в Москве всероссийское церковное совещание выявляет в значительной мере уже назревшее реакционное настроение значительной части церковников. И как предостерегающе прозвучал голос профессора-обновленца Ал. Ив. Покровского...

Но туча сгустилась... 15 августа 1917 года в Московском Успенском Соборе открыл свои работы 1-й Поместный Собор Православной церкви.

Русские церковники единственной задачей поставили себе на этом соборе — борьбу, сначала всякую, с правительством Керенского и затем энергичную и беспощадную с правительством Ленина. Для борьбы с новой властью срочно и незаконно (без кворума) восстанавливается патриаршество.

Обновленчество, существовавшее до 1922 года подпольно (поскольку Собор 17 г. захватил власть в церкви и ем давяще всех инако в церкви мыслящих), с этого года делается огромной общественной силой. Напоминаю, что в 1922 г. Тихон впал в страшную ересь: воспретил помогать голодающим. Я не обмолвился, сказавши «ересь». Не пора ли утвердиться в сознании, что в церкви есть догматы мысли и догматы жизни? Догматы мысли — священные формулы интеллектуального порядка, гласящие о теории христианства, его научно-философской концепции бытия. И догматы жизни — священные формулы морального порядка, определяющие практику христианства. И эти догматы жизни важнее догматов мысли, ибо свидетельствуют точное Слово Абсолютной Истины, — ныне пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше.

Поэтому сугубее грех против догмата жизни, нежели против догмата мысли — путь об этом забыло сказать школьное богословие. И если церковь всегда беспощадно разрывала с еретиками, если мерой церковной валентности верующего всегда было возможное отдаление от еретичествующего лица (в каком бы сале оно ни было), то этот же принцип быть должен положен в основу нашего суждения об истоках нашего дела. Обновленчество начало с разрыва с б. п. Тихоном. Казуистическая схоластика, что-то лепечущая о канонической преемственности от Тихона, чем иногда увлекаются некоторые обновленцы, мне кажется принципиально неверной и вредной.

Тихон впал в страшный гнев против догмата догматов веры нашей — заповеди о любви. Ведь нас должны узнавать по любви, что мы ученики Христова, а не потому, что мы скороговоркой и безошибочно можем пролепетать некую сумму теоретических формул. Нарушение заповеди любви есть принципиальный разрыв с Христом. Прочтите сердцем первое послание Иоанна Богослова, и возможное возражение не посмест сорваться с Ваших уст, если они уста христианина. Я не сужу личности Тихона, еще раз предупреждаю. Поэтому я не касаюсь его возможных личных прегрешений против заповеди любви, ибо все мы по апостолу много прегрешаем друг перед другом. Но, ведь, Тихон, как патриарх, как вождь церкви, идеологически обосновал закон ненависти. Я разумею его декрет, запрещающий помогать голодающим Поволяясь церковными ценностями. Здесь б. п. Тихон пытался канонически обосновать заповедь ненависти, немилосердия, отсутствия любви к брату, Христу, в в образе русского крестьянина, страдавшего в кошмарные дни беспримерного в истории голода.

Победа обновленцев была победой Христа — правильно квалифицировал Гредескул. Не бунтарство, не церковная революция: нет, зачинатели обновленческого дела были лишь сигнализаторами нависшей над церковью опасностью. Не личный выпад, но индивидуальное выражение стихийного, общецерковного настроения. Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует Собор 1923 года, на суд которого отдало себя обновленчество. Когда, в качестве основного докладчика, выступал на соборе, я в своей речи (она напечатана отдельной брошюрой) делал обзор протекших событий, я говорил, что пред собором стоят два обвиняемых: Тихон и мы, пошедшие против Тихона. Пусть Собор, где на ряду с челоуеками незримо присутствует Сам Бог, рассудит, кто — прав, кто виноват. И Собор, который был не партийный съездом обновленческих группировок, а действительно — каноническим собором (на Соборе присутствовало свыше ста тихоновцев) произнес свое решающее слово, благословив нас, осудив Тихона и тихоновщину. Таким образом индивидуальный порыв получил соборное, благодатное и признание, и оформление.

Значимость Собора 1923 года совершенно исключительна.

Собор 1923 года, Поместный по своему национальному составу, возвышается до вселенского по своей принципиальной значимости. Что значит, в самом деле, осуждение б. п. Тихона? Только ли дисциплинарный этот акт? Нет, это акт прежде всего принципиальный. За что осужден Тихон? За политику. За то, что служил богу — мамоне. Мамона — государство. Но греховный симбиоз есть смерть для Церкви, для ее свободы. Плен церкви государством проходит через ее историю на протяжении целых веков. Он не изжит донныне. Тихоновщина объявляет устами своих идеологов нормальность, каноничность этого беззаконного и ненормального сожития. Собор 1923 года провозгласил принципиальный разрыв с государством. Церковь ни за государство, Церковь ни против государства. Царство церкви есть царство духа. Будьте совершенны, как совершен Отец Небесный, вот смысл дела Христова. Церковь призвана своей благодатью помогать верующему, стяжать себе это духовное совершенство. Вот почему Церковь — вне политики. Декрет об отделении Церкви от Государства как раз, основным своим замыслом, является прекрасным юридическим оформлением основной нашей линии в отношении государства. Вот почему естественно (с точки зрения религиозной) было нам признать советскую власть. Лояльны в отношении гражданском, внутренне свободны в отношении религиозном. Принцип раздельности Церкви и государства есть апостольский, евангельский принцип. Он был забыт жизнью, — Собор 1923 года перед лицом всего мира торжественно провозгласил этот принцип, догматизировал этот принцип. Если Собор 325 года является основоположником догматов **мысли**, то собор 1923 года является основоположником догматов **жизни**, — не только нормирование взаимоотношений Церкви и государства подтверждает это мое положение, но и следующий еще более значимый акт собора 1923 года. Собор 1923 года принял формулу: «служение капитализму, есть смертный грех». Трудно найти надлежащие слова для того, чтобы точно оценить безмерную значимость этого положения. Христос пришел установить на земле единое братство: все вы братья, один у вас отец — Бог. Так гласит евангелие. Богоносные отцы (почитайте хотя бы св. Амвросия Медиоланского) справедливо комментируют эту евангельскую мысль, как проповедь о всеобщем равенстве: моральном и о равенстве реальном, экономическом. Между тем, Христианская церковь благословила капитализм. Я напомним, что современный фашизм, это — политическое хулиганство наших дней, своим символом взяло — страшно сказать — крест! Тихоновщина, преступным безмолвием, а нередко прямым потакательством — покрывает это мировое предательство дела Христова.

Собор 1923 года раз и навсегда, от лица Христова, осудил служение капитализму, как тягчайший смертный грех. Этим собор 1923 года смыл то позорное пятно, которое жизнь Церкви наложила на Нетленный Лик Спасителя. Здесь догмат жизни оформляется с исчерпывающей полнотой и математической краткостью и ясностью. Уступки, тем паче потакательство капитализму, той системе, где одним — победителям — все, а другим — побежденным — ничего, объявляются ересью жизни. И в противовес этой ереси жизни — точная православная догма жизни: торжествующая заповедь любви во всем, следовательно, и в области экономических взаимоотношений.

Этим актом обновленчество возшло на Гауризанкар этических достижений.

Собор 1925 года — второе звено новой блестящей цепи соборов, устанавливающих догматику жизни. Созванный после смерти Тихона для примирения враждующих сторон единой Церкви, собор натолкнулся на ту же церковно-политическую идеологию, с которой так энергично боролся собор 1923 года. Местоблюститель Тихона, Петр Федорович Полянский, митрополит Крутицкий, запретил подведомственному ему духовенству принимать участие в работах по сближению враждующих сторон. Этот акт в свое время вызвал величайшее смущение и негодование со стороны верующих. Последующие события вскрыли, что Петр действовал по директивам Карловича-кого собора, провозгласившего монархию догматом Церкви. Собор 1925 года еще раз подчеркнул, что государство вне Церкви и Церковь вне политики. Лояльное отношение к Русской Государственной Советской власти, как данной Богом (ибо по воле Бога творится история), есть долг русской православной Церкви. Собор 1925 года, лишний раз подчеркнувший

правильность политических взглядов обновленчества, достиг огромных практических результатов. Оставшиеся верными св. делу православия отчетливо осознали надмирные идеалы Церкви, ее апартийность, ее духовное назначение. Здесь еще раз сверкнула вечным золотом правда Церковная. После собора 1925 года самая постановка вопроса о взаимоотношении Церкви и государства, о политике Церковной и т. п. делается излишней. Стало очевидной, элементарной истиной, что права и единоспасительна исключительно позиция (в политико-экономических вопросах) обновленчества. Тому доказательством факт, что на нашу точку зрения и практически, а зачастую и идеологически становятся и наши староцерковные противники.

Что является основным стимулом всей нашей работы?

Глубочайшая, интимнейшая, сердечнейшая любовь к Основателю Церкви. Мы убеждены, что в основе так называемой трагедии христианства лежит не Христос, а христиане. Это не трагедия замысла Божественного Автора, но трагедия преступности исполнителей абсолютно-точных и прекрасных планов жизни. А если так, то возможно возрождение христианства.

За истекшие пять лет удалось пробудить религиозное сознание многих церковников. Вместо нагло-торжествующей буквы религиозного делания, победоносно утверждается дух православия.

В этом, и только в этом, религиозный смысл, религиозное оправдание нашего дела. Нас часто спрашивают — какова же именно программа обновленцев. Отдельные обновленцы пытались издавать тезисы и брошюры (и сам автор этих строк является автором 63 тезисов 1922 года). Я не отрицаю значимости этих попыток, но все же хотел бы сделать существенное предостережение. Есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вас не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал. I, 8—9). Обновленчество не есть что-либо иное, как самое православие, открывшееся во всей своей силе и власти. Это, как говорил покойный о. Иоанн Егоров, один из предначинателей обновленчества (столь трагически непонятный учениками, не имеющими ни религиозного, ни интеллектуального кругозора почившего), есть раскрытие запертого сундука с бесчисленными религиозными сокровищами. Попытки сравнивать обновленчество с реформацией не состоятельны, и эти исторические аналогии чрезвычайно поверхностны. Участь Антонина Грановского да будет предостерегающим знаменем! Не надо увлекаться историческими схемами и трафаретами. Они, в лучшем смысле, приводят к сектантству. А насколько не приемлем этот путь для православного, ясно и без аргументации.

Проф. Глубоковский в свое время обращал внимание на то, что православие не есть конфессия. Истинным духом подлинного православия является отсутствие всякой регламентации. То, что в католичестве или, в особенности, в русском расколе имеет себедовлеющий характер — внешний механизм Церкви, то является лишь акциденцией в православии. Не отрицается внешнее — но оно мыслится лишь, как именно внешнее оформление внутренней субстанции; отсюда подвижность, текучесть, динамичность христианства. Единая в себе идея кристаллизуется — в историческом беге жизни — приминительно к эпохе, нации, климату и т. д. Православие определяется не внешней оформленностью, но внутренней преданностью Божественному Откровению. Православие есть адекват христианства. Между православием и христианством ставим знак равенства, это понятия совпадающие, идентичные.

Поэтому и обновленчество не есть «новое откровение», «новая (живая!) Церковь... Обновленчество есть православие. Поэтому никаких специфических катехизисов, программ, тезисов и т. п. обновленчества по существу быть не может и не должно. Самый термин «обновленчество» (прекрасный, библейский, апостольский — по своей филологии), родился в Drang und Sturm Periode, в эпоху религиозного варварства, в эпоху Атилла — тихоновщины, поскольку Мамона — Государство монархического типа — поставлено рядом с Богом). Защищаясь от этого лже-православия, жизнь Церковная и создала временный (но благословенный) термин «обновленчество».

Ввести в Церковную жизнь православие во всем — вот практическая задача обновленчества. Здесь — дух захватывающий перспективы. В противовес казенной закосненности, кладбищенскому покою староцерковничества — мы ввели подлинно-православное творчество, которое состоит не в том, чтобы сломать одни декорации и заменить другими, но — чтобы дух, все пронизывающий, выявлялся и оформлялся во всех сторонах Церковной жизни с исчерпывающей полнотой. Нами меняются старые формы постольку, поскольку — вспоминая Евангелие, мехи изветшали.

Если твердо усвоить этот принцип (им жили апостолы и св. отцы), то самое практическое делание обновленчества будет ясно. Оно не будет новым шаблоном, новой схемой, новыми прописями (страшная принципиальная ошибка сектанства, антониовщины, егоровщины и т. п.). Оно не будет реконструкцией прошлых, хотя бы и блистательных (первохристианства!) веков. Оно будет тем жизненным индивидуализированием (хотя бы здесь индивидуум предстал пред нами в виде коллектива), на котором базируется современная медицина. Ведь Христос Спаситель сравнивал Себя, а следовательно и Церковь, — с врачом. Мир болен, ему надо дать «лекарство бессмертия» (как выражались некоторые св. отцы). Но лечить можно, только считаясь с особенностями данного заболевания. Современная медицина лечит не болезнь, а больного. Человечество без Христа всегда духовно больно. Но в I-м веке болезнь имеет одни формы, в X-м другие, а в XX столетии болезнь принимает новые своеобразные особенности. Применительно к больному и должно предстать христианство: сегодня терапевт, завтра хирург и т. д. ... Предупреждаю, что здесь я свои аналогии привожу не формально, но считаю их верными по существу.

Задачей обновленчества и является, следовательно, нахо-

ждение форм христианства, соответственно двадцатому столетию — веку радио и Дарвина, социальных проблем и Эйнштейна. Наши соборы, наши съезды, повседневное синодальное администрирование, ученая работа наших богословов, практически-молитвенная деятельность пастырей — все должно быть приводимо под знаком этой проблемы. И тогда, не кабинетно-надуманным путем) *zwanzig hundert Professoren, Vaterland du bist verloren!*), но органически, соборно будут выковываться формы Церковной жизни, благословенные плоды коих уже явили нам жизнь (молитвенный подвиг митрополита Виталия Тульского, приходская работа о. А. Боярского, богослужбное творчество о. Феодора Жукова, миссионерское пастырство самородка о. Адаменко и т. п. — примеров много, очень много).

Если все это так, — а что это так, свидетельствует логика, то можно было бы и не считаться с тем, как наши идеи преломляются в жизнь. Если принцип верен, он обязательно — рано или поздно, не так важно, — претворится в жизнь! Это математически точно, — время, в буквальном смысле слова, работает на нас. Но все же отрадно познавать, что время уже поработало для нас. Обновленчество принесло не только шипы, но и аромат распускающихся роз. У нас имеется определенный актив, определенная масса: епископы, клир, миряне, выдающаяся профессура. Жажда обновленчества подчас доходит до фанатических настроений. Блокада тихоновщины прорвана. Интервенция канонами и переосвящениями не помогла нашему врагу. Народ не залугали. Народ стихийно устремляется к нам. Принципиальная победа одержана, реальная победа начата. Еще мгновение — враг бежит! И великая радость сознавать каждому обновленцу, что и ему Бог благословит поработать в этом подвиге преображения Церкви.

Митрополит Александр Введенский.

Пять лет...

Пять лет напряженной борьбы за обновление Церковной жизни иных закалили в идейной верности началам движения, других обессилили, третьих озлобили, смутили и смущают...

В юбилейный день попытаемся дать себе ясный отчет: что же случилось пять лет тому назад, что совершается ныне и к чему ведут протекшие пять лет Церковной муки.

В мае 1922 года вскрылся нарыв на теле Церкви. Потерявшая духовную мощь, влияние на душу народа русская Церковность, в лице ее высших иерархов и руководящего слоя пастырей и мирян, попыталась восстановить утраченное влияние путем возглавления политической реакции.

Слой народа, враждебные устанавливавшемуся строю, ущемленные революцией, ухватились за знамя «спасения родины», поднятое Собором 1917 года, но в низинах народных это знамя лишь лишний раз подчеркнуло, что Церковные вожди не имеют доверия масс: безызыскность их проповеди, заинтересованность в личном благополучии, противоречие жизни христианским идеалам, механичность культовых церемоний, отсюда «обрядовое» верующих масс, — все это составляло ту болезнь, которая, давно укрепившись в организме Русской Церкви, не позволила удержаться поднятое знамя...

Христианскому сознанию была противна эта попытка участвовать в «омирщении» Церкви.

Группа честных деятелей Церкви уже давно протестовала против этой подмены идеала Церкви, когда Церковь из духовно-благодатного, свободного союза людей во Христе для строительства в мире Царства Божия превращалась в орудие земной политики, в средство поддержания в мире определенных и, притом, явно отживших экономических отношений.

Грех патриаршей Церкви сказался в том, что она в борьбе классов и сама взяла меч, — естественно, что от меча и погибает.

Искренне же верующие веруют в Церковь вечно-живую, вечно-действующую в созидании спасения, оценивающую земные явления по критерию Божественной Правды.

Не в силу каких-либо личных достоинств, но в силу своего отвращения от неправды омирщенности Церкви в угоду капиталистическому строю, могли, оставаясь в Церкви, не протестовать против церковной политики, грозившей свести Церковь к положению социальной группы, которая неминуемо, по законам справедливости, как изменившая своей внутренней правде, должна будет потерять свое значение.

«Революционность» этого сдвига вполне оправдывается не

самоуверенностью первых деятелей переворота, а тем, — к чему эта «революционность» применялась. Она не ломала начал религиозной веры, она не касалась сокровища Св. Православия, она не нарушала канонических основ соборного строя, поскольку «убедила» первого епископа отказаться от власти, а не сама демонстративно отделилась от него.

«Революционность» переворота состояла лишь в том, что, вопреки анафеме на всех сочувствующих новому социальному строю и помогавших Советской Власти, — деятели переворота зачеркнули эту анафему.

Если лучшие сыны Церкви давно хотели обновления Церкви во многих отношениях, то для перехода от пожеланий к делу нужно было оторвать Церковь от той социальной среды, которая ее втягивала в свое капиталистическое болото, и почти ее поглощало. Орудие для этого отрыва — лозунг «Правда социальной революции».

Не было и нет опасности, что, приняв его, Церковь попадет «из огня в полымя»: для революционной среды Церковь идейно не нужна, и в этой среде Церковь по идеологической противоположности, при наличии декрета об отделении Церкви от государства — всегда сохранит свое место; в среде же капиталистического мира, идейно опирающегося на Церковь, она гасит свои священные огни...

Протекшие пять лет ясно показали, что не реформы разделили Церковь: с одной стороны, и синодальные течения идут в отношении их на значительные уступки (Собор 1925 года, Украинский Св. Синод, последние тезисы Св. Синода, безусловно приемлемые для всех); с другой — никто из сознательных Церковных деятелей давно уже не возражал и не возражает против них. Строй Церковного управления тоже не может разделять нас. — Ибо он получает санкции патриархов Востока.

Правда, «о самочинном сборище», «об иерархическом расколе» толкуют староцерковники, но самые их колебания в определении формы, как признание целым рядом старых епископов, во главе с митрополитом Сергием Нижегородским, в свое время канонического достоинства ВЦУ, — говорят за то, что самочинного сборища, иерархического раскола не было и нет; если же потом, без новых фактов раскола, иерархи пополнили и даже возглавляли ряды «тихоновщины», то причину этого нельзя же полагать в том, что они не поняли сначала церковной природы движения, а потом уразумели. Если они — умудренные архиереи —

не поняли, то как же смеют они теперь с авторитетом непогрешимости обвинять в церковном расколе тех, кто не с ними, вместо того, чтобы на соборе вразумить непонимающих?

Суть разделения и сейчас, как и в 1922 г., — в отношении к социальной революции, ко внутренней ее сущности. Даже не в отношении к власти: о лояльности к последней готовы заявлять — м. б. и с искренностью — староцерковники. И заявляют. Даже не прочь прислужиться, если бы было можно. Не прочь устами своего покойного вождя превознести Советскую Власть, как наилучшую власть — и все это во исполнение слов Апостола: всяка душа «властем придерживающим» да повинуется. Получила власть силу, — Божия воля — повинуйтесь ей. Придет завтра власть **капитала** — Божия воля — повинуйтесь ей... Ну, а работать на кого? Кто милее сердцу? Церковь нейтральна, она ни накого не должна «работать». Верные, золотые мысли... Однако, их выявление — это изнесение приговора не христианскому капиталистическому миру, который свои кровавые действия, ведь, увенчивает крестом. Верхи русской церкви к маю 1922 года, показали, что они согласны Крест Христов отдать в руки борцов против социальной революции — если это была ошибка, так осознайте же эту ошибку церковно, соборно, декларативно. И, скажите то же, что сказал Собор 1923 года, — служение капитализму, есть смертный грех, раз навсегда порвите цепи, связывающие церковь с капиталистическим миром, лишите навсегда ее возможности быть снова «прислужницей» сильных мира сего!

Но, конечно, староцерковническая верхушка, по самой своей сущности, сделать этого не может. И вот, благодаря ее идейной связи с капиталистическим строем, несмотря на все ее попытки «прислужиться» новой власти, (чего последней не пужно), она притягивает к себе все элементы, ожидающие реванша.

Наоборот, те верующие, которым дорога не «нейтральная» церковь, ушедшая в сторону от «своих детей» — страдающих, борющихся за свои права, за человеческое достоинство и утверждение правды в мире, а церковь голосом Христовой Правды, как колоколом, будящая совесть, и называющая мерзость мерзостью, какой бы красивой формой она ни прикрывалась, те архипастыри, пастыри, миряне, которым дорога церковь Св. Златоуста, Великого Василия, — борцов за правду, Христовых воинов — те все встают в ряды борцов за торжество идеи братства, за правду социальной революции...

И вполне понятно, что эта дифференциация в чисто церковной области проявляется как борьба за обладание сознанием верующего народа.

Иерархия старой церкви прекрасно понимает, что она все потеряет (как раньше уже потеряла доверие в широких трудящихся массах), если оставшиеся массы церкви поймут, что делают обновленцы.

И вот все нужно пустить в ход, чтобы удержать за собою, в своем обладании массу. Ужас церковного раскола, несуществующие ереси обновленцев, демонстрации чиноприема, внешнее отделение от синодалов, отделение от них, как от духовно зачумленных, — все нашло применение в пятилетней борьбе старой иерархии против деятелей церкви, жертвенным подвигом поднявших борьбу за свободу Церкви от связи с капиталистическим строем.

Мы не будем здесь останавливаться на перепитиях этой борьбы, не будем говорить об ошибках, которые были допускаемы обоими сторонами и о крайностях, которые, в сущности, исторически и неизбежны... Нам хочется лишь уяснить, что и то «стояние за веру», то «исповедни-

чество», которым так хвалятся наши противники, есть лишь то новое средство, которым «старая иерархия» пытается поддержать свой авторитет в массах.

Правда, разве **за веру** страдают сейчас тихоновские иерархи?! Если их «вера» будет заставлять их и ныне стоять за ту веру собора 17 г., которая изрекла анафему на детей церкви, ставших под знамя революции, так и ребенку будет понятно, что они все еще цепляются за политическое знамя, выбитое из рук покойного патриарха...

Деятели обновления самым своим существованием призывают на суд деятелей старой церкви, и последние боятся, как бы народ, который с ними, не произнес бы по этому суду беспристрастный приговор.

Но, как всегда в подобных случаях, приговор принадлежит истории. А пока Церковь в муках...

К чему приведет эта Церковная Голгофа? Пять лет ее страданий дают уже возможность сделать некоторые предположения, базируясь на определении сил, на которые расслоилось церковное общество.

Монашествующий епископат, сплотившийся во имя спасения себя, как правящего класса в Церкви, строжайшей дисциплиной воинствующий против обновленчества.

Аристократический слой белого духовенства — давно потерявший чистую религиозность, неспособный оторваться от мечты о сладком прошлом, превратившем подвиг священнослужения в безбедное житие во власти, почете и достатке — презрительно третирующий новых деятелей Церкви.

Штаб действий староцерковников — интеллигентный слой Церкви, внутренне непринимавший социальной революции и через Церковь ищущий реванша.

Рядовая масса духовенства — желающая быть в стороне от жизни, пассивная, озлобленная против архиерейства, но всецело подавленная массой кулаков, с которыми архиерейство заключило союз для поддержания своего престижа и видимой возможности опираться на народ.

Обрядоверная, запуганная, запутанная своими вождями разнородная масса верующих, еще присматривающаяся к тому, что происходит, — в ней будущее Церкви.

Подвижники иерархии по строительству церковной жизни, оторванной от прежнего преступного союза с капитализмом.

Армия рядовых борцов за святое обновление церкви.

Масса верующих, все глубже втягиваемых жизнью в новое социальное строительство и совершенно искренно, сознательно становящихся на стражу интересов Церкви.

Независимо от интенсивности работы всех этих сил и качественного достоинства их носителей, можно уверенно сказать, что революционный сдвиг масс обеспечивает победу обновленной Церкви. Революция перевоспитывает человека. Она требует от человека ясности сознания. Она и в области церковной жизни потребует в конце концов идеологической четкости и в мыслях, и в строе жизни, и в церковном делании.

Эта сознательность обеспечит соборность в разрешении вопросов церковной жизни, а соборность, в свою очередь, неминуемо приведет к осуществлению тех лозунгов, которые в течение 5 лет горели и горят на знаменах обновления.

Конечно, мы должны предвидеть, что не достигнется полного и окончательного единства Церкви влево, что неминуемо произойдет откол и вправо, и влево, но важно лишь понять, что для нормального существования Церкви нет и не будет иного пути, кроме указанного Господом Иисусом Христом, усвоенного разумом вселенской Церкви, и в приложении к национальной мировой действительности христианства, вновь подтвержденного обновленческими деятелями русской Православной Церкви.

Архиепископ Николай (Платонов).

Пять лет борьбы за церковное обновление.

Обновленческое движение перешло за грань первого пятилетия своего существования, или, вернее, своего открытого выступления на сцену широкой церковной деятельности. Пять лет упорной, непрерывной борьбы за возрождение и очищение православной церковности. Под комья грязи и свистки несознательной толпы выступили на свой тяжелый подвиг первые пионеры обновленчества. Под торжественный гул тысяч церковных колоколов, с тысячными собраниями народа, обно-

вленчество встречает свой пятилетний юбилей. Между 1922 и 1927 годом пройдена церковная дистанция огромного размера. Оглядываясь на пройденный путь, мы ясно теперь видим вехи церковного движения. Его дорога была извилистой. Она усыпана не розами, а терниями. До ее конца еще далеко. Но она ведет к цели.

Чтобы понять судьбы церковного обновления, надо вникнуть в ту обстановку, среди которой оно выросло. Когда мы

ищем корней обновленчества, то неизбежно приходим к историческим устоям русской церковности. Тяжелое наследие досталось на долю православной русской церкви! С самого начала своего существования, можно сказать, она развивалась в условиях нездоровых. Из средневековой Византии, Византии «тяжелых веков», мы получили христианство, потускневшее от всевозможных жизненных наслоений. Мы не видели радостной зари церкви, своими лучами побеждающей всю тьму мира. Нашей христианской матерью была омирщенная византийская церковность, утратившая давно прелесть чистого религиозного обаяния. Евангелие Христово нам принесли не апостолы, горящие вдохновением живой веры, а греческие монахи и священники, отяжелевшие от лат златых, пышной государственной церковности, покрытой флером монашеского аскетизма. Каждое семя дает свой плод, — и русская религиозность зацвела соответствующим цветом. Внешняя, декоративная сторона церковности была восприимчива на русской почве очень тщательно и ревностно культивировалась. Церковный ритуал стал предметом особой заботливости и русского духовенства и русских верующих людей. Внутренняя же сторона христианства вся поглотилась этой внешностью. Отсюда то слепое, механическое обрядоверие, которое сделалось отличительной чертой русского благочестия. Сами наши учителя — греки, впоследствии изумлялись той механизации религиозности, какая утвердилась в Московии. Но изумляться было нечего: то были естественные всходы церковных византийских семян, посеянных на культурной русской целине. Рука об руку с обрядоверием развивался и монашеский уклон русской церковности. Когда религия сводится с внешним благочестивым упражнением, монашеский подвиг становится особенно соблазнительной панацеей религиозного спасения. Русское монашество легко присвоило себе монополию церковного руководства, и монашеским духом проникла все стороны церковной жизни. Это церковное мирозерцание удобно завершилось византийско-монашеской церковно-политической идеологией. Православие неразрывно сплелось с самодержавием, и церковь смиренно склонила евангелие пред скипетром царя и евангельскую истину — пред требованиями политического и социального режима. В результате сформировалась казенная, официальная церковность, вооруженная полицейскими методами охраны «православия». Религиозный трафарет, полное подавление свободы религиозной мысли, боязнь всего живого, творческого в деле церкви вошли в церковную систему. Церковная общественность была загнана в подполье. Соборность подменена казенной коллегиальностью. На исторических устоях русской церковности воздвигся пышный, быть может, по своему величественный, но мертвенный, холодный храм, в котором совершалось поклонение Богу, но устами и руками, а не духом и истиною.

Старая, русская церковность, как мы видим, имела под собою свою почву. Но почва была нездоровая и, что важнее всего, старые русские церковные устои, чем дальше шло время, все более не соответствовали ходу истории христианского мира. Чисто внешняя, обрядовая религиозность давно перестала удовлетворять уже более взыскательные верующие души. С тех пор как проснулось русское религиозное сознание, еще в XV веке, начались протесты против чисто обрядовой церковности и церковного омирщения. Самостоятельная религиозная мысль устремилась на путь религиозного искательства и, не находя отклика на свои запросы в церковной среде, пошла по распутиям вне церковным. Непрерывная цепь этих исканий идет от новгородских вольнодумцев XII—XV в.в. до многоветвистого сектантства прошлого столетия. Сначала религиозный протест был робок, и немногочисленные голоса его терялись в море «исконного русского православия». Но постепенно он становился смелее и громче и стал захватывать все более широкие массы. Из узкого круга немногочисленной русской интеллигенции религиозное искательство спустилось в народные низы и, в лице сектантства, начало угрожать целостности господствующей церкви. Устремления живой веры никак не могли уложиться в рамках холодной, официальной церковности. И это вполне понятно: то было неизбежное следствие общего процесса. Все европейское человечество давно выросло из средневековых пелен. Старые формы христианской церковности, сложившиеся в средне-

вековые с его низкими духовными запросами, везде далеко отстали от духовного роста народов. Но христианский Запад, первый столкнувшийся с этим несоответствием, оказался более гибок. Здесь была пробита широкая брешь для выхода религиозно-искательских порывов протестантством, провозгласившим принцип религиозной свободы и возврата к перво-христианской простоте. Да и само традиционное р. католичество умело итти, где нужно, на компромиссы и уступки с запросами времени. Не то было в восточном православии, отлившемся в русский монумент. Оно оставалось ультра-консервативным, несмотря на все достижения человеческого духа; и живой религиозный дух неудержимо рвался из тех цепей, в которые заковала его русская официальная церковность. Не только обрядоверие, не только казенщина, но и другие атрибуты русского православия все более претили живому верующему чувству. Монашеский аскетизм, превративший землю в юдоль скорби, вызывал неудержимый протест жизни. Верующие души жаждали евангелие радости: их гнетло евангелие скорби, созданное монашеской церковностью. Христианские общественники возмущались общественной пассивностью русского православия. Союз церкви с самодержавием, отказ от социальной миссии христианства, преклонение евангельской правды пред неправдою мира — эти природные черты русской старой церковности порождали и боль и негодование. Церковно-государственный альянс, утвердившийся на Руси, в XIX веке стал полным анохронизмом. Полное обезличение церкви государством у нас сделалось слишком ярким на фоне общественных идеалов нового времени. Склонившаяся у ног мирской власти церковь теряла обаяние в глазах всех передовых слоев общества. Господство кесарево над Божиим подрывало авторитет последнего.

Несоответствие старых устоев русской церковности с запросами современности сделалось совершенно очевидным для мыслящих церковных людей уже в предреволюционную эпоху. В передовых церковных кругах зрело сознание, что церковь нуждается в обновлении, и не только своего внешнего строя, но и внутреннего характера церковной жизни. Итти по старому руслу — значило итти на явный отрыв от жизни, к обескровлению церковного тела, к его органическому разрушению. Конечно, омертвление церковной жизни не значило замирание религиозной стихии: последняя нашла бы другие пути для своего выявления. Но упускать религиозную стихию из недр церкви для последней было бы своего рода самоубийством. Отсюда ведут свое начало те попытки церковного обновления, которые имели место еще при старом режиме. Попытки эти имели, как будто, характер внешне-реформаторский; но это был только подход к гораздо более глубокой и важной задаче. Однако, все обновительные устремления разбивались о те преграды, которые создавались церковно-государственным альянсом. Старая государственная власть, противница всякой свободы, смотрела на традиционную церковность, как на оплот государственного строя, столь же отставшего от запросов времени; и с этой стороны она была права. Освобождение живых сил церкви, несомненно, угрожало, прежде всего, старой церковно-государственной идеологии, услуга которой для власти была весьма существенная. Правящие церковные сферы, с своей стороны, всецело поддерживали охранительную политику, и не только за страх, а и за совесть. Монашеские власти отлично понимали, что обновление церкви отодвинет монашество от церковного руководства, не говоря о том, что само по себе обновление было чуждо монашескому духу. Поэтому все усилия церковных верхов были направлены на подавление всяких обновительных устремлений и на возможное изолирование обновленческих идей в узком круге интеллигентских церковных групп. Последнее обстоятельство было очень важно для будущего.

Важно для будущего — это не замедлило обнаружиться тотчас же в период революционного перелома. Революция очистила дорогу обновительным церковным устремлениям: полицейские церковные пути спали. Обновительное церковное течение вышло из подполья на арену свободной общественной деятельности. Но оно было в полном реакционном окружении. Его прежняя искусственная изолированность не давала ему массового влияния. Тот робкий церковный «либерализм», в кото-

ром до сих пор единственно могли выявляться обновительные устремления, был достоянием лишь некоторых слоев белого духовенства и церковной интеллигенции. Но белое духовенство понимало «обновление» очень односторонне. Оно смешивало его просто с церковным преобразовательством, с реформами внешнего церковного строя и главным образом — с расширением прав белого клира за счет монашеских привилегий. Его угнетало особенно епископское самовластие — и в эту сторону направлялся его протест. Привыкшая к кастовой замкнутости, забитая материальными заботами духовная среда подходила к церковному движению лишь с классовой точки зрения. Идеи задачи обновления церкви ее мало затрагивали и мало ею сознавались, тем более, что — повторяем — известный ей церковный либерализм до сих пор и действительно носил характер профессионального движения. Поэтому белое духовенство в период революционного перелома заняло совершенно определенную позицию. Оно занялось правовыми вопросами, борьбой с епископами, завоеванием для себя более самостоятельного положения — и только. Первые месяцы после февраля 1917 г. в этом отношении дают очень яркую картину. Самая соборность, выдвинутая первым лозунгом движения, понималась в массе белого духовенства под тем же углом зрения. Собор рисовался церковным «учредительным собранием», имеющим реформировать внешнюю церковную организацию, — о большем мало кто думал. Идея внутреннего церковного обновления, если можно так выразиться — церковный реформизм, — не находила даже себе активного сочувствия. Воспитанное на молоке традиционного православия белое духовенство в большинстве с недоверием поглядывало на реформистов. Оно не находило в себе мужества даже радикально порвать со старой церковно-политической идеологией. Оно без особого сожаления рассталось с самодержавием, гнет которого чувствовало на себе в лице епископского жезла. Но оно не расставалось и не хотело расстаться с союзом церкви с государством и попрежнему хваталось за государственную поддержку. Все эти настроения весьма рельефно выразились на июньском всероссийском съезде духовенства и мирян 1917 г. в Москве — самом передовом церковном конгрессе того момента.

Что касается интеллигенции, то это был базис довольно неустойчивый. Интеллигенция, не порвавшая с церковью и интересующаяся церковными вопросами, была далеко не однородной. Часть ее, несомненно, была склонна к реформизму, который и воспитался на интеллигентской почве. Эти группы вполне понимали идейные задачи церковного обновления и собственно ими-то и интересовались. Реформы церковного строя для них были только предвещием, подготовкой дальнейшей обновительной работы. Здесь сознавалось, что дело не в этих реформах самих по себе, а в изменении всех старых устоев исторической русской церковности. Но другая часть интеллигенции смотрела на вещи гораздо уже. Она жила идеями еще старого славянофильства с его национальным самомнением и расплывчатой идеологией. Она ратовала за соборность, но, рисуя ее в идиллических тонах, совсем не учитывая реального соотношения сил. Она хотела сохранить и властный епископский престиж, и монашеское почитание, и даже содружество священства с царством — и все это старое вино влить в новые меха, конечно, практически это было недопустимо и лишало устойчивости подобную позицию. Главное же — у церковной интеллигенции было слишком много теоретичности. Она была оторвана от низов и не знала реальной жизни. Ее идеи были мало доступны массе, да она и неумела их там пропагандировать. У ней не было ни ясного, отчетливого плана церковного обновления, ни выработанной тактики, ни широкого влияния на народ. В момент революционного перелома церковная интеллигенция, нужно сознаться, не совсем дала себе и отчет в потребностях момента. Вместо того, чтобы заняться созданием массовой базы для дела церковного обновления, углублять его снизу, она занялась строительством сверху и реформаторскими прожектами, не обеспечив их поддержки.

В таких условиях совершались первые шаги обновительного церковного движения в широком общественном масштабе в 1917 г., и не удивительно, что они закончились рецидивом старого русского православия. На Соборе 1917—1918 г.г. обновительное движение потерпело явное поражение. Те силы, на которые оно могло опираться, оказались недостаточными или даже прямо ему изменили. Белое

духовенство, с своим классовым подходом к церковному движению, оказалось ненадежным. Его классовые интересы, по мере развития революции, встретились с новыми опасностями — и это значительно изменило его настроение. Освободившись от епископского самовластия, оно наткнулось на произвол неорганизованной церковно-приходской массы и, не умея подойти к этому непривычному явлению, сразу испугалось. В новых условиях жизни приходилось считаться с народом — к этому не привыкли. Непривычнее к самостоятельности приходское духовенство растерялось и стало подумывать, что зависимость от прихода пожалуй хуже зависимости от начальства. Выяснившаяся сначала ненадежность, а потом и прекращение материальной помощи государства, при отсутствии хозяйственной организации прихода, обескуражили духовенство еще больше. Оно окончательно ударились в панику и покинуло обновленческий фронт. Конечно, этого бы не было, если бы белое духовенство подходило к церковному движению идейно, а не профессионально. Этого бы не было, если бы даже просто духовенство было более дальновидно и понимало неизбежность происходящего. Но раз оно не выросло до крайнего подхода и не отдавало себе отчета в переживаемом, считая тогда вместе с другими группами населения наличные условия преходящими, — оно естественно ударились в реакцию. Нечто подобное случилось и с церковной интеллигенцией. Умеренная, неустойчивая часть ее, все время старавшаяся совместить несовместимое, ходом событий отодвинулась также в реакционный лагерь. Волны революции ударили по ее славянофильствующей психологии. Призрак безрелигиозного государства не мирился с ее идеологией и она пошла в сторону охранительства. На обновительном церковном фронте остались лишь сравнительно небольшие кадры левых элементов духовенства и интеллигенции, которым оставалось только занять оборонительное положение против натиска сплаченного монашеского епископата и составившегося соборного большинства. Правда, благодаря наличию обновленческих элементов, собор 1917—1918 г.г. все-таки пробовал кое-что подправить в старом здании русской церковности. Он утвердил соборный порядок церковного управления, произвел некоторые преобразования во внешнем церковном строе. Но он оставил в неприкосновенности старые устои. Если не прямо, то косвенно он скорее укрепил дух русского обрядоверия. Он поддержал пошатнувшееся монашеское влияние и отстоял его руководящую роль в церковной жизни. Он освятил старую идею союза церкви с государством ярким противоборством декрету об отделении церкви и своей декларацией церковно-государственных отношений. Реставрацией же патриаршества он окончательно увенчал церковную реакцию и почти аннулировал им же провозглашенную соборность.

Рецидив старого церковного охранительства обветшавших начал церковной жизни временно аннулировал все обновительные достижения и, когда начался новый подъем обновительного движения в 1922 году, вызванный всем известными обстоятельствами, то дело церковного обновления оказалось в положении еще более худшем, чем то было пять лет пред этим. Известный церковный переворот весны 1922 года сам по себе давал немного. Правда, он ликвидировал патриаршее управление — эмблему церковной реакции. Но даже этот успех был относителен. Ликвидация, во-первых, была далеко нерадикальной, что и сказалось в дальнейшем самовоскрешении патриарха. Во-вторых, она совершилась в крайне неблагоприятной обстановке, осложнившей весь будущий ход обновленческого дела. Патриарх отошел от власти в выгодной позе «жертвы», а на долю обновленческих инициаторов досталось невыгодное положение «захватчиков-революционеров». Разумеется, эта позировка расценивалась бы совсем иначе, если бы церковная среда была достаточно подготовлена к перевороту. Но в том то и дело, что этого не было. В церковной среде по-прежнему, как и в 1917 г., не было твердой базы для обновленческого движения. Оно назрело в тех же ограниченных кругах, которые остались верны обновлению и в момент реакции 1917—1918 г.г., и база его за пять лет не получила расширения.

Инициаторы движения опять стояли лицом к лицу с той же церковно-общественной обстановкой. Церковные массы были в стороне от идейной церковной борьбы. Издавна приученные к пассивности в церковном деле, искусственно изолируемые от веяний свободной церковной мысли, воспитываемые

мые в обрядовой религиозности, сводящей религию к внешнему благочестию, они совершенно не понимали происходящего в церкви. Пять лет патриаршества ничего не изменили в массовой церковной психологии. Патриаршая система, напротив, постаралась ликвидировать все остатки обновительных веяний 1917 г., поскольку они могли проникнуть в церковную толщу. Обстоятельства помогали ревнителям реакции в этой задаче, так как церковный народ весьма болезненно воспринимал многие стороны нового положения церкви в государстве. Церковный народ находился во власти самых консервативных настроений в первые годы после революции, и тихоновский монашеский епископат с своей агентурой, конечно, такие настроения всячески поддерживал. Значит, с массово-мирянской стороны инициаторам обновления нечего было в первый момент ждать какой-либо поддержки. Напротив, нужно было ждать отсюда прямой враждебности, поскольку массы находились в руках открытых церковных реакционеров.

Обновительное движение могло, как и раньше, искать себе союзников на первых шагах только в среде белого духовенства и интеллигенции. Оба эти союзника изменили обновительному делу в 1917—1918 г. г.; но пять лет революции, с одной стороны, и пять лет патриаршества—с другой, не могли не отразиться на их позиции. В 1917—1918 г. г. белое духовенство, под крылом реакции, искало себе спасения от приходской недисциплинированности, засилия приходских заправил, натиска антирелигиозной пропаганды и всех последствий общей разрухи, не отдавая себе отчета в общей причинности. Пять лет значительно отрезвили духовную массу. Духовенство на опыте убедились, что испытания, его постигшие, есть неизбежное следствие общих причин и что реакция не облегчает, а увеличивает его беды. Долго теплившиеся надежды на реставрацию старого строя постепенно умирали. Отделение церкви от государства стало фактом жизни, оспаривать который было бесполезно. А при отделении церкви неизбежно нужно было искать опоры в церковном народе и так или иначе уметь с ним сжиться, считаться с его правами и требованиями начальства. От этой необходимости несколько не избавляло пребывание в реакционном лагере, а напротив, усиливало ее. Патриаршее управление поставило церковь в открытую оппозицию к новой власти и народным слоям, ее поддерживающим. Положение духовенства в приходе при таких условиях становилось вдвойне затруднительным. Ему приходилось опираться исключительно на кулацкие и буржуазные элементы и чувствовать себя очень неспокойно, со стороны гражданского положения. Духовные патриаршие власти не в состоянии были несколько облегчить этих затруднений, они сами были в таком же положении. Гнет общих жизненных условий становился, таким образом, гораздо тяжелее на реакционном фронте, и духовенство начало понимать, насколько правы были те, кто предупреждал не цепляться за старые позиции и смело переходить на новые. Почувствовало белое духовенство и всю тяжесть епископских жезлов, позлащенных патриаршей позолотой, и вновь начало вздыхать о той свободе, которую обещало ему церковное освободительство. Таким образом, классовые интересы опять начали толкать белый клир в сторону обновительного движения. Но это настроение попрежнему не имело идейной скрепы и было подвержено колебаниям. Духовенство не знало, как будет лучше и что делать и, связанное с условиями патриаршего режима, не находило в себе мужества и инициативы для открытого поворота на обновленческий фронт. Оно склонно было скорее выжидать, активно же стать в обновленческие ряды решались весьма немногие.

С церковной интеллигенцией дело обстояло еще хуже. Революция так задела ее интересы, что реакционные настроения глубоко засосали интеллигентские элементы церкви. Правда, к 1922 г. и здесь произошел некоторый сдвиг. Но он вел скорее к полному отходу от церковных дел, чем к обновленчеству. Лишь самая незначительная часть церковной интеллигенции примкнула к новому обновительному выступлению. Это обновленческое крыло рвалось вперед, к церковному реформизму, готово было поддерживать самые широкие лозунги. Но, как и прежде, оно плохо было приспособлено для практической деятельности, да еще в такой боевой обстановке, какая создавалась переворотом 1922 года.

Изложенные обстоятельства вполне объясняют картину

первых шагов церковного обновительства после крушения патриаршества Тихона. Всем памятна та враждебность, с какою встретились сначала обновленческие деятели. Движение казалось явно непопулярным. Да и могло ли оно, действительно, быть популярным в обрисованной обстановке? Патриаршество ведь сдало свои позиции явно неискренно, подчиняясь необходимости. За патриархом стоял весь монашеский епископат, а в руках последнего была несознательная, непонимавшая внутреннего смысла церковных событий церковная масса. Натравить эту массу на обновленцев было совсем легко, и патриаршие агенты это сделали. Белое духовенство в массе своей заняло выжидательное положение. Церковная интеллигенция ошестинилась против обновления, увидав в его социально-христианских лозунгах подслуживание нелюбимому ей режиму. В подобном окружении обновленческое дело казалось просто безнадежным. И если оно не заглохло, то это свидетельствовало только о полном банкротстве по существу старой церковности. Дойдя до кризиса, она была бессильна сама из него выйти. Обновленчество взяло на себя задачу найти этот выход, но — при отсутствии твердой базы — это было не так легко.

Отсюда — первоначальные колебания обновительного движения и извилистость его начального пути. Уже прежде всего в самом сформировавшемся обновленческом штабе не было достаточного единства. Церковный переворот был совершен коалицией деятелей далеко неодинакового направления. Тут были старые идейные обновленцы формации 1917 года. Но тут были и новые элементы сомнительного настроения, ухватившиеся за церковно-политические обновительные лозунги, дававшие выход из создавшегося церковного положения, но воспринимавшие дело обновления односторонне. Хуже того, к движению пристали и явные оппортунисты, руководимые личными интересами и совсем не считавшиеся с идейными задачами обновления. Отказаться от услуг подобных элементов было трудно, в виду недостатка сил и потребности в практических боевых работниках в момент кризиса, когда немногие еще выжидали. Сложившаяся обстановка давала даже перевес оппортунистическим элементам, как более гибким и приспособительным. Но они не стеснялись в средствах. А их грехи ставились, конечно, в вину всему движению.

Далее, надо было нащупывать почву для опоры среди тех ограниченных церковных групп, которые стояли ближе к обновленческому фронту. Из этих групп более сильной, несомненно, представлялось белое духовенство. На него и решились прежде всего поставить ставку руководители церковного переворота — и этим определился тот первый период обновленчества, который можно назвать периодом «Живой Церкви». Группа «Живая Церковь» выкинула яркие аншлаги, среди которых самыми крупными буквами выступали лозунги, отвечавшие интересам белого клира. Отстранение монашества от церковного руководства и всемерное ослабление вообще монашеского начала в церкви, т. е. в первую очередь монашеского епископата, белый женатый епископат, второбрачие духовенства, превалирующее участие белого клира в церковном управлении, создание общецерковной кассы для обеспечения духовенства, главенство священника в приходе—все это было особенно близко белому духовенству и все это было поставлено во главу программы «Ж. Ц.». Признание правды социальной революции, увенчивающее программу, должно было обеспечить и государственно-правовое положение священно-церковно-служителей, выводя их из нелегального лагеря патриаршей реакции. Правда, «Живая Церковь» включила в свою программу и чисто идейные обновленческие положения (о религиозно-церковном творчестве и под.). Но они явно стояли на втором месте и все внимание устремлялось на первые, практические задачи. На Съезде «Живой Церкви» в августе 1922 года это сделалось особенно ясно: здесь исключительно были подчеркнуты профессиональные лозунги. «Живая Церковь» стремилась этими лозунгами объединить белый клир вокруг обновленческого знамени и создать из него для себя базу, не скупясь на авансы обещанных преобразований без санкции возвышенного собора. Временное Высшее Церковное Управление, состоящее из деятелей «Живой Церкви», не скрывало, что оно в белом духовенстве видит стержень церковного обновительства и рассчитывает главным образом на его поддержку.

Расчет деятелей «Живой Церкви», конечно, имел, как мы видели, свои основания в общей конъюнктуре. Но оказался односторонним и скорее ошибочным для принципиальных интересов церковного обновления. Белое духовенство стояло на классовой точке зрения и слишком узко понимало обновительные задачи. Ставка на него превращала обновительное движение из обще-церковного в профессиональное и изолировала его. Классовой подход к делу, с одной стороны, вооружал против обновленчества все те идейные элементы, которые интересовались церковным обновлением с чисто принципиальной, а вовсе не профессионально-церковнической стороны. Для них программа «Живой Церкви» казалась односторонней и слишком утилитарной, а тактика ее прямо неприемлемой. Брачный епископат, второбрачие духовенства, расширение прав белого клира — все это были вопросы второстепенной, а не первостепенной важности для идеологов обновленчества, как ликвидации старых отживших начал русской церковности. Их выдвижение на первый план принимало обновленческие идеалы, лишало движение внутреннего духовного огня. Программа «Живой Церкви» очень мало говорила сердцу верующей интеллигенции и всех вообще религиозно-ищущих душ. Мало говорила она и даже претила церковным общественникам, мечтавшим о широкой соборности и внутреннем церковном творчестве. «Живая Церковь», видимо, сводила соборность также на классовую платформу, стараясь отдать все преимущества белому духовенству и явно отстраняя мирян от церковного строительства. Последнее обстоятельство изолировало «Живую Церковь» и от рядовой церковной массы. «Живая Церковь» не только не старалась подойти к этой массе, но явно ее сторонилась. Она аннулировала выборное начало, сводила на-нет права прихожан в приходской жизни. Это была очевидная отрывка тех непринятых переживаний, какие выпали на долю белого духовенства при его столкновении с приходским голосом в первый период революции, а вместе — отрывка и старого метода «пасения» духовных овец, как безгласного стада. Правда, деятели «Живой Церкви» считались с реальным фактом нерасположенности церковной массы к их новаторскому выступлению. Но из этого факта они сделали не тот вывод, который диктовался здравым смыслом. Здравый смысл говорил, что для успеха движения оно должно прежде всего направить свои усилия на завоевание массовых симпатий и потом уже заняться другими вопросами. Ведь иначе выходило, что обновленчество работает в пустоте. Духовенство существует для народа. Без народа церковь представляет голову без туловища. В условиях существования, сказанных декретом об отделении церкви, метод «Живой Церкви» был особенно нерационален. Не имея опоры в низах, на кого могла рассчитывать «Живая Церковь»?

Слабые стороны «Живой Церкви» почувствовались очень скоро. Первые же месяцы после церковного переворота мая 1922 года показали, что движение строится на зыбких основаниях. Интеллигенция и церковный народ заняли враждебную позицию к перевороту. Духовенство как будто склонно было в значительной части примкнуть к движению. Даже в епископской среде замечалось колебание. Лишенный патриаршего возглавления и чувствующий напряженность церковно-политической атмосферы епископат, видимо, смутился. Многие епископы пробовали связаться с новым церковным управлением, и даже такие столпы старого епископата, как Сергей Страгородский, признали правомочность новой церковной власти. Белое духовенство в столицах и провинции постепенно также стало переходить в лагерь «Ж. Ц.». Но эти успехи были непрочны. Они объясняются общественной конъюнктурой, а не внутренним процессом. Большинство духовенства, примкнувшее к «Живой Церкви», руководилось исключительно внешними соображениями. Это были обновленцы не по убеждению, а по обстоятельствам, и сами обновленческие деятели понимали, что новые кадры ненадежны. Августовский съезд «Живой Церкви» 1922 года, окончательно выявивший ее программу, окончательно подчеркнули неспособность ее захватить церковную толпу. Это дало толчок к поискам другого подхода к обновительной задаче. Часть обновленческих работников покинула лагерь «Живой Церкви» и решила взять другой курс — выдвинуть на первый план идейные лозунги обновления, отмежеваться от

классового профессионализма. В результате возникла группа «Церковное Возрождение».

«Церковное Возрождение» было ставкой на интеллигентские церковные элементы, составлявшие вторую, близкую к обновленческому фронту, церковную стихию. Программа «Церковного Возрождения» выдвинула лозунги реформизма и, хотя не отказывалась от профессиональных лозунгов «Живой Церкви», но значительно их смягчала и одухотворяла. Идеи богослужебного, догматического, этического церковного творчества, богослужение на русском языке, одухотворение культа, изжитие обрядовой внешней религиозности — здесь ставились на первом месте. Резко-отрицательное отношение к монашеству «Живой Церкви» в «Церковном Возрождении» смягчалось признанием значения духовного монашеского подвига. Епископское начало поднималось в своем значении на подобающее место и превалирование белого клира значительно ограничивалось «Брачные» вопросы ставились на принципиальную почву и идейно связывались с христианской этикой. Соборность освобождала от профессионализма, и миряне привлекались к церковному строительству. Словом, «Церковное Возрождение» старалось исправить недочеты «Живой Церкви» и подойти к более широким церковным слоям. Оно хотело захватить не только белое духовенство, но и интеллигенцию и народ. С еще более яркими реформистскими заданиями выступила третья группа, выделившаяся уже из групп «Возрождения» — «Союз общин древле-апостольской церкви» (СОДАЦ). Обе новые группировки, стремившиеся выправить обновленческое движение в идейную сторону, значительно ослабили односторонность «Ж. Ц.» и расширили сферу движения. В лагерь Церковного Возрождения, а еще больше «СОДАЦ» переключалась большая часть обновленцев в крупных центрах, сюда примкнула и новая часть церковной интеллигенции. «Ж. Ц.» сохранила свои позиции, главным образом в провинции, где более слаб был интеллигентский элемент и более сильны классовые интересы духовенства. Но и новая фаза обновленчества не открывала ему широкого пути в церковные низы. Программа «Возрождения» и «СОДАЦА» были слишком новы и не совсем доступны церковным массам. Их усвоение требовало длительной подготовки, а пока они были рассчитаны лишь на интеллигентские элементы. В этом направлении они сделали свое дело, но лишь в том кругу, который тяготел к обновленчеству. Большая же часть церковной интеллигенции осталась за линией обновленческого охвата в силу тех самых причин, которые толкнули ее в сторону охранительства еще в 1918 г. Причины эти были общего, не религиозного порядка, и пока они существовали, интеллигентская среда оставалась верна знамени патриаршей церковности.

Под флагом церковных обновленческих группировок прошел весь первый год после переворота 1922 года. Несомненно, что групповые расслоения обновления старались сохранить контакт друг с другом, так как инстинкт подсказывал всем обновленцам необходимость общего фронта. Но как всегда бывает во всякой коалиции, в ней неизбежны трения, и они задерживали углубление обновленческой работы, тем более, что «Живая Церковь» напористо старалась отстаивать свое первенство. Под флагом обновленческой позиции состоялся и церковный собор 1923 года. Благодаря поддержке провинции, «Живая Церковь» на соборе играла все еще первую роль, и это сказалось на результатах соборной деятельности. Собор 1923 года старался объединить профессиональную и реформистскую церковную платформу, но с видимым перевесом первой. Декларирование политической лояльности, осуждение Тихона, утверждение брачного епископа и второбрачия духовенства, закрытие монастырей, — вот в сущности все, на чем остановилось соборное внимание. Вопрос о церковных реформах (реформизме) на соборе был отодвинут на задний план и собор даже, видимо, от него отстранился. Соборное постановление отчасти объясняло это желанием «охранять единство церкви», т. е. не вызывать каких-либо пререканий. Но вся обстановка дела говорит за то, что собор центр тяжести видел в практических, а не идейных вопросах обновления. Он отодвигал эти вопросы сознательно, демонстрируя перевес линии «Живой Церкви», пред устремлениями других обновленческих группировок. Это соотношение сил отразилось и на составе избранного Собором

«Высшего Церковного Совета». В него вошло 10 членов «Живой Церкви» и 8 от других двух групп.

Но господство течения «Живой Церкви» зиждилось, как мы видим, на шатких основаниях: на ставке на неустойчивую массу белого духовенства. «Живая Церковь» держалась в течение года (1922—1923) довольно стойко, потому что условия ей благоприятствовали. Патр. Тихон был в заключении. Патриаршее управление развалилось. Над патриархом висела угроза судебного процесса. Масса белого духовенства, растерянная и запуганная, под крышей «Живой Церкви» искала убежища в тревожную минуту. Практическая сметка, свойственная деятелям «Живой Церкви», помогала им учесть все обстоятельства. Однако, успехи эти были поверхностны: они не шли вглубь, и стоило измениться обстановке, чтобы дело пошатнулось. Так, действительно, и случилось. Летом 1923 года, патриарх Тихон был освобожден, и грозные тучи, сгустившиеся над патриаршеством, стали проясняться. Последнее было важнее самого персонального освобождения Тихона, потому что дало возможность начать восстановление патриаршей системы. Освобожденный б. патриарх открыто отказался признать состоявшееся на соборе 1923 г. свое низложение и объявил аннулированными все соборные постановления. Он действовал так, конечно, потому что почувствовал почву под собою. Это было сигналом к усиленной реакции. Все те элементы, которые примкнули к обновленческому движению под давлением обстоятельств, быстро перекачнулись в патриарший лагерь. Неустойчивая масса белого духовенства, хотя бы и симпатизировавшая обновленчеству, устремилась по течению. Так как обновительное движение не успело захватить мирянскую толщу, то под давлением приходов духовенство устремилось в патриаршую Каноссу. Обновленческие силы были слишком слабы, чтобы удержать этот поток. «Живая Церковь» лишилась основного своего базиса: классовые интересы теперь толкали белый клир к воскресающему патриаршеству, обещавшему приходское благополучие с самой чувствительной экономической стороны. «Церковное Возрождение» и «Содац» могли сохранить за собой только более идейные слои обновленцев; «примыкающие» же в большинстве рассеялись, увлеченные общим течением реставрационного момента. Воспрянувшее патриаршество при этом всеми своими силами навалилось на обновленчество. Загремели проклятия и анафемы, пошла усиленная агитация. Нечего и говорить, что от старых епископов, примкнувших к обновленческому движению в первый период после переворота, остались в обновлении лишь немногие единицы. Остальные усиленно старались загладить свои «грехи» удвоенным озлоблением против обновленчества и особым усердием к реставрации патриаршества. Для обновленческого движения создавалось критическое положение. Оно совсем еще не успело окрепнуть, как ему пришлось стать в оборонительную позицию против натиска явно превосходного противника.

Новая обстановка потребовала радикальной перестройки обновленческих рядов. Групповая система, можно сказать, обанкротилась. Во-первых, наличные обновленческие группировки почувствовали свою односторонность. «Живая Церковь» увидела однобокость своих расчетов на белое духовенство: удар реакции задел ее особенно сильно. «Возрождение» и «Содац» увидели свою изолированность от широкой массы и свое бессилие при таком положении вести движение вперед. Во-вторых, все вместе поняли, что их тактика была ошибочной. Направляя энергию на церковные верхи — духовенство и интеллигенцию, обновленческое движение почти ничего не сделало до сих пор для захвата церковной массы и на этом терпело теперь поражение. Реставрированная тихоновщина легко овладела старым влиянием на массу, мало знакомую с обновленчеством и направила ее против обновленческого фронта. Было ясно, что нужно действовать иначе. Нельзя ставить ставку лишь на верхние слои церковного общества. Надо ставить ее на всю церковь в совокупности, и на церковный народ по преимуществу, как главную базу всякого церковного строительства в условиях отделения церкви от государства. Пусть это требует времени; но это единственно верный путь для обновления церкви, если обновление не хочет быть сектантством. Между прочим, последний соблазн также обрисовывался пред обновленческими деятелями. Событие 1922—23 г.г. показало, что русская цер-

ковная среда очень мало подготовлена к усвоению обновленческих идеалов, что и неудивительно при отсутствии массовой пропаганды. Завоевать эту среду в целом была трудная, долгая задача. Ее думали разрешить быстрее методом действия сверху, захватив верхи, — на это рассчитывали вначале. Но этот метод оказывался совсем неприменим, когда обстоятельства развязали руки патриархам и обновленчеству оказалось в положении церковного меньшинства рядом с староцерковным большинством. И тут невольно напрашивалась мысль: не ограничиться ли лучше более узкою сферой действий, не с'узить ли свою задачу? Что обновительные идеи имели круг своих верных сторонников, за это ручалось все прошлое обновленчества, начавшегося задолго до переворота 1922 года. Так не достаточно ли пока сплотить эти элементы и обособиться от реакционной церковности, замкнувшись в своем кругу? Тем более, слабые, юные силы обновленчества казались слишком недостаточны для общецерковного поля действий во враждебном окружении. Соблазн был велик. Но против него говорили другие соображения. Церковное обновительство ведь хотело обновить церковь. Оно исходило из идейных воззрений на судьбы христианства и русской церковности. Его интересовали общецерковные задачи, а не новаторство само по себе. Новаторство индивидуальное и групповое не разрешало исторической проблемы церкви. В 1922 году обновленчество подняло свой флаг в общецерковном масштабе и ему удалось взять в свои руки руль соборности. Спускать флаг, свертывать свой фронт и отказываться от блеснувших возможностей было бы слишком горько. И обновленчество не поддавалось соблазну: оно не покинуло общецерковной позиции, несмотря на кажущуюся безнадежность положения. Оно решило держаться в своей соборной цитадели и принять вызов тихоновщины на борьбу. Мало того: оно решилось на широкий жест открытого закрепления своих общецерковных заданий, изменив и самую свою структуру.

На августовском с'езде 1923 года обновленческих деятелей было принято решение: упразднить обновленческие группировки. В основе этого решения лежала не только мысль объединения сил, ослабляемых групповыми разностями, но и мысль более глубокая. Групповое знамя затеняло общецерковный масштаб обновленческого движения. Оно в значительной степени отделяло движение и от церковной массы. Для первоначальной ударной работы групповые объединения имели свои преимущества. Но когда приходилось начинать длительную борьбу, то необходимо было фиксировать свои цели. Теперь обновленчество стало лицом к лицу с реставрированным патриаршеством и возникал вопрос: мыслит ли оно себя церковью или только частью, ответвлением церкви? Обновленчество провозгласило себя церковью, базируясь на соборе 1923 года, и, сняв групповые лозунги, заменило их общецерковными. Внешним выражением этой перемены было переименование Высшего Церковного Совета в Священный Синод и изменение его состава группового соотношения. При этом само собою вышло, что более широкие настроения «возрожденцев» и «содацев» взяли перевес, а живоцерковники отошли на второй план. Правда, групповые тяготения не были изжиты целиком. От старых группировок остались маленькие ячейки, обособившиеся от создавшегося основного обновленческого центра. Митрополит Антонин обособился со своим «Союзом Церковного Возрождения». Прот. Красницкий выделился с ничтожными остатками «Живой Церкви». Но эти крылья были слишком незначительны по сравнению со слившейся обновленческой массой.

Совершившаяся перестройка обновленчества положила начало новому периоду его жизни, который продолжался до смерти п. Тихона. Это был период стойкой обороны обновленческого фронта, организации и приведения в порядок его рядов. Силою вещей обновленческое движение должно было занять из наступательного, оборонительное положение. Его задачей сейчас было выявить более прочные обновленческие кадры, организовать новый церковный аппарат, закрепить свои позиции во внутреннем и междучерковном масштабе. Самовосстановившееся патриаршество предъявило претензии вернуть все свои потери и присвоить себе все старые правомочия. Но ему поперек дороги стоял собор 1923 года, лишивший патриарха церковных прав и упразднивший самое па-

триаршество. Соборным голосом церковная власть была передана в обновленческие руки и юридические права были на стороне обновленчества. Понятно, что патриархисты делали все усилия дискредитировать авторитет собора. Но у них не было в руках необходимого оружия: нового собора. Агитация и инсинуация волновали церковную массу; но сдвинуть соборных обновленческих позиций не могли. Это обстоятельство и дало возможность обновлению выдерживать натиск тихоновской реставрации. Опираясь на собор, обновленческое движение стало устраивать поредевшие свои ряды и успело закрепить за собою, хотя и меньшие по сравнению с патриаршими, но внушительные позиции. Завязав сношения с восточными патриархами. Священный Синод начал укреплять и свое междуцерковное положение. Восточная церковь не могла не считаться с фактом собора 1923 года и, так как по церковному порядку постановления собора могут быть отменены только другим собором, то для представителей восточной церкви патриарх был ех-патриархом, а Синод — законным преемником церковной власти: Константинопольская, первенствующая кафедра Востока прежде всего и стала на эту точку зрения. Это явилось крупным достижением для обновленчества, значительно поддерживавшим его в обороне против тихоновщины. И хотя в низах происходили приливы и отливы, новая церковная организация выдерживала все удары. За полтора слишком года существования реставрированного патриаршества обновленчество успело окончательно сформироваться в общецерковном масштабе. Но, к сожалению, в разгаре борьбы с тихоновщиной оно почти не имело возможности заняться проникновением вглубь церковной массы. Да, признаться и психология момента не способствовала работе в этом направлении. Период реставрированного патриаршества Тихона прошел в настроении выжидания.

Сначала ждали, что может быть сам Тихон станет искать путей сближения; и были моменты, когда казалось, что дело идет к этому (переговоры, конца 1923 г., попытка лета 1924 г. — блок с Красницким). Потом ждали, что тихоновская оппозиция рухнет, когда не будет Тихона. Сложилось общее, хотя, как потом выяснилось, и ошибочное убеждение, что реставрационная волна связана только с личностью Тихона. Роль последнего видимо переоценивалась, а в связи с этим недооценивалось и значение внутренней, органической обновительной работы. Деятелям периода 1923—24 г.г. все еще представлялось, что обновление церкви можно провести сверху. Поэтому же надеялись, что тихоновщина распадется без вождя, удастся сломать сопротивление тихоновских верхов и обновленчество тогда скоро овладеет положением.

Недооценка внутренних задач обновительного процесса вызвала и то примиренческое намерение, какое все время жило в рядовой обновленческой среде и время от времени ярко выступало наружу, как, например, в момент известного и великого предсоборного совещания в июне 1924 года. Тяготение к ликвидации церковного разделения, конечно, само по себе было естественно и понятно и из христианских и практических побуждений. Но что значило «примирение», когда под этим разумелось простое, внешнее соглашение? Для дела обновления оно ничего не давало. Обновление требовало внутренней переработки церковной психологии и, пока таковой не было налицо, обновительное дело стояло на месте. Стремление к примирению было разумно, когда оно исходило из предпосылки принятия обновленческой платформы. Примирение же в смысле соглашения лишь задерживало действительный обновительный процесс и вытекало лишь из того ошибочного взгляда, что можно обновить церковь сверху. Поэтому для обновленческого движения не было бедою, что примирительные попытки успехов не увенчались. Это разочаровало некоторую часть обновленчества, менее сознательную или более практически настроенную. Но это казалось вполне нормальным для вдумчивых обновленцев, которые даже сами шли навстречу примиренческим опытам, лишь бы выяснить просто их безнадёжность без внутренней подготовки.

Смерть п. Тихона положила конец всем иллюзиям в обновленческом деле. В первый момент эти иллюзии даже расцвели. Случилось то, чего давно ждали, как развязки положения: реставрированное патриаршество угасало само собою. Вос-

кресли надежды на естественное и скорое изжитие церковного разделения и под знаком этих надежд был объявлен созыв третьего Поместного Собора, на который широко раскрывались двери всем староцерковникам. Однако, тут-то и выяснилось, что диагноз церковного положения до сих пор ставился не совсем правильно. Не в Тихоне было дело, а в живучести тех старых устоев, на которые опиралась патриаршая реакция и которые могли быть изжиты только путем внутреннего церковного перевоспитания. Не стало Тихона, но все равно осталась тихоновщина со всеми своими атрибутами. Обстоятельства после тихоновского замещения особенно наглядно подчеркнули сущность происходящего в церкви кризиса. Тихона заместил человек, совершенно непопулярный: ясно было, что в не лицах, а в знамени, в системе. Старая церковность упорно держалась на своих позициях, потому что под ее ногами оставалась нетронутая почва — старая психология церковной массы, которую не успело еще захватить обновленческое движение. Примирительный жест обновленцев остался без ответа. Собор 1925 года собрался в обстановке, пожалуй, более ярко подчеркнутого церковного раздвоения, чем Собор 1923 года. В момент последнего не было тихоновщины, стабилизировавшейся, рельефно очерченной и организованной. Собор 1925 года имел пред собою глухую стену обособившегося староцерковничества, нащупавшего свои точки опоры и на них утвердившегося. Иллюзии, таким образом, рассеялись. Всем стало понятно, что надеяться на скорое обновление церкви путем воздействия сверху не приходится. Некоторых это обескуражило, и они дезертировали в тихоновский лагерь. Основное же обновленческое ядро извлекло из событий тот урок, что задача церковного обновления есть задача длительной органической работы и что к ней надо приступить организованно, строя снизу, а не сверху.

Отсюда открывается третий, текущий, период обновленческого движения. С изжитием прежних иллюзий, после Собора 1925 года, обновленчество окончательно стабилизировалось.

Нетерпеливые элементы отошли от него, и оставшиеся кадры принялись за внутреннюю церковную работу. Вехи этой работы были намечены третьим собором. Укрепление соборности, развитие соборного сознания в массах, организация приходской жизни, идейная обновленческая пропаганда, уходящая вглубь церковно-народной толпы, — вот очередные задачи строительства обновленной церкви. Работа медленная, лишенная внешнего блеска, но зато наиболее целесообразная. Это собственно и есть настоящая обновленческая работа. Конечно, сдвиг староцерковнических верхов в сторону обновления мог бы ускорить дело; но даже и он не мог бы избавить от необходимости названной работы. Ведь, повторяем, обновление стремится не к новым только реформам церковной жизни, а к новому духу. Вдохнуть же новый дух нельзя ни мановением руки, ни дипломатическим церковным соглашением. И кто знает, быть может, скорая и легкая победа принесла бы не пользу, а вред церковному обновлению. Кто знает, не случилось бы с обновительным движением то же, что некогда случилось со всем христианством, когда механически, внешне влившаяся в него языческая стихия чуть не погасила его внутреннее горение. Совершившись у нас церковная перестройка по методу «Живой Церкви», много ли осталось бы в ней от обновленческих идеалов? Не было ли бы это простым преобразованием церковного управления классовым церковным переворотом — и не больше? Тихоновская оппозиция задержала внешний рост обновленческого дела. Зато она углубила его внутренний рост, заставила вдумчивее отнестись к обновительным лозунгам и предостерегла от ошибки трафаретных путей административного реформаторства, закрепила соборное направление церковного строительства.

Вступив в период органического роста, обновленческое движение, несомненно, и впереди видит долгий тяжелый путь. Пять лет дали много, очень много. Даже если оценивать достижения численными приобретениями, то мы видим в обновленческом лагере более $\frac{1}{3}$ старой русской церкви. Нетерпеливые люди скажут, что это мало. Мы думаем наоборот. В тех условиях, в каких протекали эти пять лет церковной жизни, было бы немалым достижением, если бы обновленчество просто не заглохло, а охватило третью часть церкви, т.е. пробило широкую брешь в стене староцерковничества. Имея в виду,

что стабилизация тихоновщины устранила всякие внешние побуждения к переходу в обновленчество, даже численные приобретения обновленчества надо считать весьма успешным. Но еще важнее моральные достижения. Обновление победило ту стихийную враждебность, с какою встретила его сознательная церковная среда, и завоевало себе законное место в церковном мнении. Тысячи народа, наполняющие обновленческие храмы, — живые свидетели его нравственной победы. Если, несмотря на пятилетнюю яркую тихоновскую агитацию, открылась и растет народная тяга к обновлению, то, очевидно, оно нашло подход к душе народной. Его нельзя уже вычеркнуть из жизни — оно вросло в нее и постепенно востает глубже. И только путем востания в церковную толщу обновительное движение творит свое созидательное дело. Как ни заманчивы численные приобретения, они в сущности мало имеют идейной ценности, если не сопровождаются внутренним усвоением об-

новленческих идеалов. Было время, когда христианские миссионеры радовались крещению каждого нового прозелита, хотя бы он надевал крест для того, чтобы получить крестные подарки. Обновленцы не могут гнаться за подобными «крещениями» в обновление. Для обновления ценно «лишь то крещение», какое давала некогда церковь на заре христианства — крещение верующих душой и сердцем. Но если для такого крещения требовался долгий искуc, требуется он и для усвоения обновленческих идей. Пред обновленческим движением лежит великая миссия древнего апостольства. Теперь оно вступило на этот путь, заранее зная, что он тернист. Но ведь апостолы не боялись терний, — и мир склонился перед евангелием. И анти-обновительные силы рано или поздно склонятся пред истиной обновления, лишь бы дух апостольства горел в нем.

Проф. Б. Титлинов.

Подготовка обновленческого движения в Петербургской Духовной Академии.

Празднуя пятилетний юбилей обновленчества с момента его общественно-церковного оформления и воспроизводя основные моменты его, подготовившие в истории, — нельзя пройти молчанием подготовку обновленчества в сфере научно-идеологической.

Эта сторона вопроса — в высокой степени интересна во многих отношениях. Ее детальное раскрытие показало бы нам силу общественно-политического давления на идеологию прежней официальной церковности и степень ее сопротивляемости. Вопрос этот, взятый во всей широте и глубине, не может быть исчерпан в кратком очерке. В настоящем случае мы можем поставить себе гораздо более скромную задачу, — напомнить в сжатых чертах наиболее существенные моменты из жизни прежней высшей богословской школы, характеризующие ее научно-общественный уклон, и показать, что, несмотря на все неблагоприятные условия для выявления моментов научно-церковного обновления, — обновительное богословское течение, никогда окончательно не умирившее в наших прежних Академиях, иногда вспыхивало ярким пламенем, предвещая полную победу этих начал при наступлении благоприятных условий. В настоящем очерке мы еще более вынуждаемся сузить свою задачу — остановиться с указанных сторон на жизни одной, наиболее близкой нам, Петербургской Духовной Академии, — в надежде, что другие наши коллеги осветят с интересующей нас стороны жизнь и других Академий, или же самому автору этих строк в следующих номерах удастся продолжить свою работу.

Прежние наши Академии имели почтенный возраст и — бесспорно — ознакомили свое историческое бытие огромными научно-богословскими достижениями. Старейшая Академия — Киевская — готовилась к празднованию своего трехсотлетнего юбилея, и только война, а затем революция помешала этому празднованию, задуманному очень широко и научно-показательно. Московская Академия, достигшая двухсотлетнего возраста, успела издать весьма ценные юбилейные сборники («У Троицы в Академии»). Столичная Академия Петербургская в 1909 году торжественно отпраздновала свой столетний юбилей, при удивительно дружном сочувствии всех ученых, учебных и общественных учреждений. И даже самая юная Академия — Казанская — близилась к столетнему возрасту. Каждая из четырех Академий, — при общности строя и основного уклада жизни, — имела свои индивидуальные особенности и развивалась преимущественно в известном направлении. Так, Петербургская Академия культивировала преимущественно филологические и церковно-исторические знания, Московская — философию и вообще идеологические дисциплины, Киевская — догматику, литургику и археологию, Казанская — имела уклон миссионерский.

Академии очень скоро изжили времена материальных затруднений, изображенных, между прочим, и у Гоголя по отношению к Академии Киевской, и вообще были поставлены материально хорошо. Для нас важно отметить наличие в Академиях богатейших библиотек и рукописных сокровищ, привлекавших внимание даже иностранных ученых, иногда специаль-

но приезжавших для занятия в этих библиотеках (Каспар, Ренэ Грегори и др.). Известный ученый профессор Адольф Горнак в своем отзыве о прогремевшей, — не только в России, но и за границей, — диссертации проф. Н. Н. Глубоковского о блажен. Феодорите, с удивлением констатирует тот факт, что библиотека Московской Академии обладает такими немецкими книгами, которые составляют библиографическую редкость даже в самой Германии. И нельзя сказать, что библиотеки эти подбирались односторонне: в них сосредоточивалась далеко не одна богословская литература всех оттенков и направлений, но находила себе место и литература по соприкосновенным и даже далеким от богословия областям знания. Когда проф. В. В. Болотову, знаменитому церковному историку, — пришлось в комиссии о введении нового стиля выступить с докладом, то специалисты — математики и астрономы были поражены глубиной и основательностью его сведений по астрологии. Мы уже не говорим о библиотеках специально студенческих, где, например, в Петербургской, можно было найти все почти выходявшие на русском языке журналы и книги по литературе и общественным наукам, не исключая и литературы марксистской.

Однако же, внешней и формальной свободе и разносторонности академической учено-общественной деятельности не соответствовала строгая опека над идеологической стороной академической жизни и академической научной работой. При этом следует отметить интересное явление, — не столько наблюдали за конфессиональной благонадежностью, сколько за благонадежностью общественно-политической. Здесь пресловутые три кита: православие, самодержавие и народность выпячивались особенно неприкрасиво, с перевесом и преобладанием кита «самодержавия», как опоры капитализма, и, в частности, империализма. «Основная тенденция современного русского богословия в отношении к вопросу о собственности выражается в том, что всеми возможными путями стремятся доказать, будто в христианской жизни «богатство есть путь истинный и достойный уважения» (слово епископа Гавриила в его «Православном нравственном богословии», стр. 686). Наше богословие потратило много усилий для того, чтобы доказать, будто служение Богу может быть совмещено со служением мамоне, на пути к достижению этой грустной мысли не останавливалось даже перед унижением христианского учения. Множество, по существу, даже непонятных усилий было приложено к тому, чтобы смягчить определенное суждение Христа Спасителя о богатстве в Его учении, особенно, как это учение передано в Евангелии Луки и в притчах Господа. Самое святоотеческое учение о богатстве и бедности излагается и очень кратко и крайне односторонне и совершенно неправильно, когда святые отцы выставляются, как бы покровителями богатых в деле «охранения и умножения» ими своего богатства... При этом наше современное богословие, при уяснении христианского отношения к богатству и бедности, очень любит утверждаться на Ветхом Завете. Делается это очень просто. Высказывается известное положение, — всегда утверждающее в той или иной форме совместимость служения Богу и мамоне, — затем приво-

дится текст из Ветхого Завета, преимущественно из учительных книг, и вопрос считается решенным с христианской точки зрения. При этом совершенно забывается и умалчивается, что в Евангелии Матфея имеется целая глава (пятая), говорящая о том, что христианское учение далеко не совпадает с ветхозаветным, но определенно его заменяет несравненно более высоким и абсолютным нравственным учением (проф. В. И. Экземплярский: «Учение древней Церкви о собственности и милостыне». Киев, 1910, стр. 54—55). Не менее характерна и защита смертной казни в русской богословской литературе в период после первой русской революции.

Для такого мировоззрения святоотеческое учение оказывалось «красным», революционным, а потому и целые страницы из творений св. Иоанна Златоуста в первом его издании при Петербургской Духовной Академии подверглись известной операции красного цензорского карандаша. Это те именно страницы, где содержались резкие осуждения и порицания богачей и богатства, как несправедливо приобретаемого по существу и могущего сделаться «праведным» только в силу раздания его бедным.

Специфические же черты, собственно, православного учения забывались, и официально охотнее всего подедрживалась идеология римско-католической церкви, с унижением не только мирянского элемента в церкви, но и самого Христа. Пишущий эти строки в Петербургской Духовной Академии в 1897 году слышал на лекции маститого церковного историка И. Е. Троицкого следующий характерный рассказ. Когда проф. И. Е. Троицкий был воспитанником Олонецкой семинарии, — производивший ревизию семинарии ректор Петербургской Академии — монах — задал ему вопрос: «Ну, скажи, а что самое главное в Церкви?» — «Св. Дух», — отвечает воспитанник. Отрицательное почитание головой со стороны ревизора. «Иисус Христос», — пробует поправиться вопрошаемый. Еще более энергичное отклонение ответа. «Таинства?» — «Нет». Ученик в недоумении замолкает. «Иерархия», — с торжествующим видом впадает ревизор. Охотно воспринимались в Академиях наших и протестантские веяния, — поскольку они утверждали значимость в Церкви светской власти, особенно в лице его высшего представителя, — поскольку они, в конце концов, утверждали религиозно, санкционировали буржуазный строй, с его элементами — собственностью, семьей, войной и т. д.

Для проведения духа господствующего мировоззрения в идеологию высшей богословской школы, для достижения того, чтобы ее научные изыскания не шли, по крайней мере, в разрез с указанным мировоззрением, — строго осуществлялся режим монашеского засилья в прежних Духовных Академиях. Монахам предоставлялась максимальная доля властвования и господствования; им была обеспечена блестящая духовно-административная карьера и беспечальное житие, но зато они сами должны были беспрекословно подчиняться государственной власти в лице тогдашних обер-прокуроров Св. Синода. Эта обер-прокурорская власть в Церкви была столь велика и одиозна, что за одну попытку беспристрастно изобразить ее в докторской диссертации подвергся опале и лишился кафедры профессор Казанской Академии Благовидов. Всякая академическая диссертация вообще должна была пройти не только чрез цензуру ректора и Совета Академии, но и чрез Синодальную и обер-прокурорскую апробацию. Поэтому, ее автору приходилось быть «мудрым, как змия», не давая не только причины, но и повода к подозрениям в волюнтаризме, в присутствии в ней «вольного духа». С другой стороны, несомненно, что формальные требования соблюдения научного декораума стояли высоко.

В этом отношении академические диссертации, действительно, могли идти в уровень не только с университетскими диссертациями, но и с заграничными. При таких условиях авторам их приходилось или избирать темы нейтральные, следовательно, реально, в церковно-общественном смысле, совершенно бесполезные, или же говорить свои мысли эзоповским языком, чтобы можно было читать между строк. В некоторых случаях к теме, совершенно небогословской, чисто механически приспособлялся «богословский элемент». Проф. В. В. Болотову, глубокому знатоку первоисточников на многих языках и прогрессивному по своим взглядам, приходилось зарываться в изучение тончайших деталей, мельчайших филологических или хронологических штрихов. Киевский проф. К. Д. Попов из тех же побуждений написал докторскую диссертацию о бл. Дладохе, — церковном писателе, мало кому даже извест-

ном (отзыв проф. А. П. Лебедева), б. м., вовсе даже не существовавшем (отзыв проф. А. А. Дмитриевского). В общем же получалась изумительная картина контраста между мастерством научной техники и блеском внешней эрудиции, с одной стороны, и бедностью и ничтожеством полезных для церковно-общественных целей, выводов и достижений. По истине нередко это было «мертвое соколовище»!

Проф. В. В. Болотов на защите магистерской диссертации проф. М. И. Орлова сказал: «На этой диссертации — невидимая надпись, — для немногих!».. И это были лучшие в научном отношении диссертации!.. Касаться же вопросов, так или иначе связанных с жизнью, с современностью, — стало считаться даже признаком дурного научного тона, во имя торжества лозунга: «Чем дальше от жизни, тем лучше»... Таков был печальный во многом фон картины. Столь трудны были условия духовно-академической деятельности.

И тем не менее, справедливость побуждает сказать, что во все эпохи существования Духовных Академий, — не только в более светлые периоды, совпадавшие с некоторым успехом освободительных тенденций всего русского общества, но и в самые реакционные и мрачные, — элементы здоровой общественности, сознание долга служить подлинному православию и реальному, — пусть очень ограниченному, — в Академиях не угасали. Не было недостатка в отдельных лицах, которые шли против господствовавшего течения и пролагали новые пути к более светлому будущему: Перевод Св. Писания на русский язык, осуществившийся с большими затруднениями и не без упорной борьбы с реакционными силами, — связан с именем Петербургской Духовной Академии и, в частности, с именем светлой личности большого ученого гебраиста прот. Ф. П. Павского. Г. П. Павский принципиально отказался от монашества, чем навлек на себя подозрение в вольнодумстве и всю свою жизнь отдал ученому подвигу — переводу священных книг с еврейского языка. Его ученые труды нередко заподозревались, не разрешались к печати, — ученый гебраист не сошел с своего честного обновленческого пути, пролагая дорогу для будущих обновленцев на церковной ниве.

Светлую страницу в истории обновленчества вписала Петербургская Академия и своим переводом творений Иоанна Златоуста, пастыря — общественника, поборника христианизации всей жизни, противника одностороннего монашества, бесстрашного обличителя безнравственности тогдашнего придворного общества, о котором он, отправляясь в ссылку, сказал: «Оставляю вам столицу, двор и лицемерие»...

Трудами же профессоров Петербургской Академии выполнены перевод с греческого Евсевия Кесарийского, Сократа, Созомена и др.

Целую обновленческую эпоху в жизни Петербургской Академии составило ректорство в ней прот. И. Л. Янышева, человека многогранного образованного, бывавшего за границей, весьма деликатного и гуманного. Как ученый, он освободил очень важную дисциплину богословской этики от оков схоластики. В своей системе он защищал права и значение внешней культуры, улучшения социальных условий трудящихся и т. д. Докторскую диссертацию о Янышеве посвятил, хотя и деликатно выраженному, однако, определенному развенчанию монашеского института, отказываясь видеть в нем высший подвиг и рассматривая его, как форму жизни, предназначенную для слабых духом... Рукописная диссертация его, как ярко обновленческая, после многих мытарств, так и не увидела света, а сам он навсегда так и остался по тогдашнему с клеймом «либерала», «монахофоба»... Явившийся после него ректором монах, епископ Арсений, несколько не стесняясь, сказал: «Я выкурю из Академии янышевский дух»... Однако, сколько этот дух ни выкуривали, выкурить его, однако, не удавалось окончательно никогда. Столичная жизнь, связь академических профессоров со светскими профессорами, академических студентов со светскими студентами, близость к рабочему району и т. д. служили причиной того, что Петербургская Академия была самой «светской» Академией, где с трудом прививался монашеский дух. Этому способствовало также и то обстоятельство, что и некоторые ректоры Академий — монахи — в Петербургской Академии были людьми не обычного тогда монашеского типа, — а в сущности обновленцы. Таковы были Антоний Вадковский (впоследствии митрополит Петербургский), Иоанн Кратиров и некоторые другие.

Антоний Вадковский был исключительно светлой личностью, чуждою всякого напускного благочестия; человек с вы-

сокими взглядами на светскую науку и культуру, на редкость отзывчивый к чужому горю и страданию, в высшей степени деликатный и гуманный. Ранее он был профессором Казанской Академии. Счастливый семьянин, любящий муж и отец двух малюток, А. В. Вадковский в одну неделю лишается детей и жены, умерших от жестокой скарлатины. А. В. Вадковский, переживши горечь, потери, хотел снова устроить себе семейный очаг, но не получил согласия на сделанное им предложение вступить с ним в брак от дочери известного профессора Порфирьева. Тогда А. В. Вадковский принял монашество, поскольку он, потерпевши крушение в личной жизни, хотел общественно послужить Церкви. Однако, в душе он навсегда остался семьянином, любил детей, которые неудержимо к нему тянулись. Сделавшись ректором, он был чужд тогдашнего узкого монашеского духа, и вообще был человек прогрессивный по своим воззрениям. В сане митрополита он приближал к себе людей политически опасных; посещал Шлиссельбургскую тюрьму и на память от шлиссельбурцев получал вещи их собственного изделия, которые и хранил на своем письменном столе, на самом видном месте, — как мне рассказывал шлиссельбуржец Новорусский. Митрополит Антоний приблизил к себе недавно скончавшегося архимандрита Антонина (Грановского), сделал его своим викарием, вопреки воле К. П. Победоносцева. Очень близким к нему человеком был и Сергей (Тихомиров), ныне архиепископ Японский, отслуживший панихиду по лейтенанте Шмидте.

Антоний Храповицкий ненавидел митрополита Антония, осуждал, как и многие другие архиереи, его скромность в одежде, в быте (он отменил прежние митрополичьи парадные выезды) и говорил про него: «Он по своей жене носит траур, а нам-то что?». Негодование их объясняется тем, что и Храповицкому, и другим архиереям приходилось неволей следовать тому скромному тону, какой им давал м. Антоний Вадковский, как председатель Синода. Антоний Храповицкий не стеснялся распространять про м. Антония Вадковского самые гнусные сплетни, что он — человек неверующий, не верит в таинство причащения, что он болен дурною болезнью и под. Все это была месть за обновленческий облик и образ мыслей м. Антония. Стало-быть низкая клевета — обычный удел истинных обновленцев церковных с самого начала, и следует ли удивляться, что это повторяется в наши дни?!

Митрополит Антоний Вадковский и Антоний Храповицкий были по истине в духовном отношении антиподами во всех отношениях. Под мудрым и гуманным руководством м. Антония возрос духовно и председатель нынешнего Свящ. Синода митрополит Вениамин, любимый викарий покойного м. Антония Вадковского. Вот почему обновленчество вправе считать м. Антония Вадковского своим духовным гением и идейным руководителем и с особенно теплым — благовейным и благодарным — чувством, они должны молитвенно помянуть его приснепамятное имя в дни нынешнего торжества православного обновленчества. Неудивительно, что профессора и студенты Петербургской Академии испытывали на себе благотворное влияние личности и духа м. Антония Вадковского. Студенчество, помимо официальных занятий, много отдавало времени и внимания самообразованию. В студенческих кружках принимали участие Г. С. Петров, Н. П. Аксаков (последний видный славянофил, автор «Духа не угашайте» и др.), Н. Н. Неплюев и др. Студенчество живо интересовалось вопросами об отношении личного спасения к общественному благу, о социальной несправедливости, об аскетизме... Под влиянием такой духовной атмосферы и пишущий эти строки избрал для своей курсовой работы (а потом и для магистерской диссертации) исследование вопроса об аскетизме и монашестве, и решал его в смысле первенства и неперменной обязательности служения общественному, аскетизму же придавалось значение не самоцели, а лишь значение метода и второстепенного, вспомогательного средства, обязательного в известной мере и степени для всякого христианина; выяснял динамизм христианства; оттенял необходимую важность и самостоятельное значение внешней культуры, обязательность стремления к социальной правде. Эти мысли глубоко истинно православные и вместе для тогдашней, да и современной, еще в значительной степени церковности — обновленческие.

Некоторые профессора, подвергая себя огромному риску и в своих лекциях, и в печатных трудах определенно и решительно доводили мысли о необходимости коренных реформ и в Церкви, и в общественном строе (Б. В. Титлинов). И даже те

профессора, которых уже никак нельзя было заподозрить в крайностях и увлечениях либерализмом, — высказывались за радикальные реформы богословской школы и за ослабление влияния монашеского элемента (Н. Н. Глубоковский).

Из Петербургской Академии вышло много приходских священников, и в числе их о. Иоанн Кронштадтский, — противник буквы и формы, мистик, не стеснявшийся изменять и богослужебный порядок, вносивший изменения — сокращения и дополнения — даже в литургию. Из Петербургской Академии вышли и Г. С. Петров, И. Ф. Егоров, о. М. Попов (ныне архиепископ) и др. пионеры обновленчества.

В научном отношении именно Петербургской Академии принадлежит выяснение обязательной продолжаемости догматического развития в Церкви. Заслуга выяснения и православно-научного обоснования этого весьма важного для обновленчества положения принадлежит корифеям церковно-исторического знания — проф. И. Е. Троицкому и В. В. Болотову. Первый достаточно ясно раскрыл мысль о всегдашней обязательной непрерывности догматической деятельности Церкви в своей докторской диссертации «Изложение веры Армянская», а его ученик В. В. Болотов определенно доказывал, что отсталость, а не прогресс в догматическом развитии, чаще всего дает ересь, т. е. приводит к застою и односторонности церковного самосознания.

Весьма характерно и след. рассуждение того же маститого профессора. Он говорил, что догматические определения — это не тупик для богословской мысли, откуда выход — обратно; назад, но вехи, расставленные соборною работою богословской мысли по бесконечному пути духовного развития православия, пред коим открываются беспредельные перспективы.

Эти положения выразил прекрасно и авторитетный профессор Н. Н. Глубоковский в своей известной брошюре «Православие по его существу», переведенной и на английский язык: «православие удовлетворяет своей «правой» норме тем, что совпадает по всему объему со своим предметом, как он дан фактически и существует независимо. Но таковым является подлинное и первоначальное христианство Господа Спасителя и Его апостолов, — и православие по преемству сохраняет его, приемы и раскрывая среди разных исторических условий». «Исконное христианство в православии почерпается, доставляется и гарантируется путем преемственного восприятия, когда новое приобретает авторитет христианской изначальности, а она в самой своей старине обнаруживает непрестанную обновляющую жизненность». (СПБ, 1914, стр. 14, 17).

След., обновленчество, провозгласившее непрерывность догматического развития в Церкви, следовало наилучшей и по истине православной академической богословской традиции. Мало того. Самый термин «обновление», который доселе являлся для многих «жупелом», — традиционно-академический для выражения жизненности и неумирающей силы Православия.

При указанном противоречии тех внутренних начал и тех внешних условий, в каких жила Академия, совершенно естественно было со стороны многих профессоров выражение своего внутреннего протеста и возмущения, — результатом чего являлась неизбежная репрессия. Так, по синодской ревизии в 1908 году были уволены некоторые профессора. Н. К. Никольский — за то, что в своих лекциях он проводил ту мысль, что при существующих условиях ни белое духовенство, ни черное не могут даже к нему надлежаще подготовиться. Эту мысль профессор подтверждал неопровержимыми данными и всесторонними фактическими доводами. Не постеснялись выбросить за борт огромную научную силу, — проф. Н. К. Никольский с честью носит имя академика доселе, — и притом искренне религиозного человека, желавшего блага Церкви и говорившего о необходимости ее обновления — коренного изменения отношений Церкви к государству.

Увольнению подвергся и проф. Д. И. Абрамович за то, что он студентам предлагал такие темы для рефератов, как, например: быт архиереев по запискам архиепископа Тверского Саввы. Конечно, эти записки архиепископа Саввы давали материал, свидетельствующий о крайней мелочности и бессодержательности этого быта, и приводивший к тем же выводам о необходимости коренного изменения церковного быта и строя во всех решительных отношениях. Д. И. Абрамович — также человек не только с большим научным именем (редактор произведений

Пушкина, Лермонтова и др. в издании Академии Наук), но и человек, глубоко преданный Церкви.

Если церковная власть изгоняет от церковной работы людей, искренне желающих блага Церкви, болеющих о ее недугах, то что сказать о такой власти? Не подготавливала ли она сама собственное свое падение?

Академические еженедельные журналы, — сначала «Церковно-общественный Вестник», а затем «Церковный Вестник», — несмотря на все запрещения, угрозы и репрессии, проводил обычно прогрессивную точку зрения и выражал горячее сочувствие освободительному народному движению. Вопросы о женатом епископате, о второобрачии клириков и т. п. решались в положительном смысле во многих и весьма обстоятельных статьях этих журналов.

Издание канонических сочинений епископа Никодима Милоша, в качестве приложения к академическому журналу, также весьма характерно, поскольку Никодим Милош является, несомненно, сторонником прогрессивного понимания и истолкования церковных канонов, в духе обновительного церковного течения. Это издание поэтому и доселе сохраняет свое положительное серьезное значение.

Все это с несомненностью свидетельствовало о том, что обновление Церкви и духовной школы являлось насущною,

неотложною, глубоко - назревшею потребностью. Разумевавшему «обстоятельства времени» становилось ясно, что наступило время, когда новое вино следовало вливать и в мехи непременно новые. Старые мехи давали прорехи и трещины на каждом шагу, — и всякий, веровавший в жизненную силу Церкви, должен был согласиться с непреложностью той истины, что каждый, кто не враг, а сын Церкви, — должен серьезно подумать о реальном обновлении. В противном случае новое вино, будучи влито в мехи старые, и само погибло бы, и мехи прорвались бы.

Суд Божий должен был начаться от дома Божия, с Церкви. Виноград Божий был отдан в руки иных делателей, которые бы воздали Хозяину винограду плоды во время свое.

Так, во исполнение суда неподкупной божественной правды, совершается применение внешнего порядка церковной жизни, во имя торжества начал внутренних, зиждительных и спасительных для человечества. Церковь Божия, переживая самые страшные внешние потрясения, однако же, каждый раз возрождается с новою силой к выполнению своей высокой провиденциальной задачи. Церковь Христова никогда не стареет, но всегда юнеет! С нею юнеет и высшая богословская школа, вновь возродившаяся для беспрепятственного служения Правде Божией.

Проф. С. М. Зарин.

Перемена управления в Поместной Церкви влечет ли неизбежно за собой оскудение в ней спасительной благодати.

Хотя б. п. Тихон 5/18 мая 1922 сам устранился от участия в управлении русской церковью, вследствие чего с ведома и согласия патриарха и было сформировано в ней коллогиальное высшее церковное управление, однако, тогда же нашлись люди, которые употребили в своих интересах все средства, чтобы в глазах народа, мало осведомленного в церковных делах, опорочить это новое управление. Пущены были в широкий оборот полные нетерпимости, клеветы и злобы речи о том, что новое высшее церковное управление самочинно и неканонично, что руководимые им духовные лица — безблагодатны, совершаемые же ими священнодействия — не спасительны, а губительны. Самочинным и неканоничным новое высшее церковное управление, в частности — настоящий Свящ. Синод Православной Российской Церкви, называют потому, что за ним нет-де преемства власти. «Как, спрашивают, перешла она к новому высшему церковному управлению, кто избрал его?»

В свое время мы, думается, весьма тщательно разобрали подобные речи почитателей б. п. Тихона¹⁾. Между прочим, мы указывали им, что нет определенного церковного закона (или канона), который бы раз навсегда устанавливал порядок перехода поместной церкви от одной формы управления к другой, что преемство административное, преемство в управлении — совсем не то, что благодатное иерархическое преемство в хиротонии, и что все толки о благодатности или безблагодатности священства прямого отношения к вопросу о каноничности нового высшего церковного управления у нас не имеют. Ссылаясь на общеизвестные примеры русской церковной истории, мы также разъясняли, что это управление располагает даже гораздо большим преемством власти, чем наш первый автокефальный митрополит Иона, первый патриарх Иов, Свят. Синод 1721 г. или Синод его последнего состава — 1917 г., и что говорить о безблагодатности духовных лиц, подчиняющихся новому высшему церковному управлению, без законного суда над ними, не позволяют ни церковные каноны, ни уроки древне-вселенской церкви. Указывали мы, наконец, и на то, что и сам б. п. Тихон, если бы даже и не был осужден собором 1923 г., все же не имел права единолично управлять русской церковью вследствие тех условий, какие создались после собора 1917 — 1918 г.г., восстановившего у нас патриаршество²⁾. Следовательно, и в виду этого толковать об отсутствии преемства власти в новом высшем церковном управлении и о безблагодатности признающей его

иерархии также нельзя. Да и от кого это управление могло бы преемственно получить власть в церкви? Ведь сам б. п. Тихон к 1922 г. давно ее утратил, ибо к этому времени не было уже законного состава ни Свящ. Синода, ни Высшего Церковного Совета, учрежденных собором 1917 — 1918 г.г., совместно лишь с которыми, (а не единолично) и мог он управлять церковью. Ясно, что, сам потеряв поэтому право на управление, б. п. Тихон никому и не мог передать его, какие бы завещания ни оставлял он.

Что иерархия, признающая новое церковное управление, отнюдь не утратила своей благодати, а ее священнодействия — спасительны, это мы желаем подтвердить и выяснить теперь и примерами позднейшей истории вселенской церкви. Поучительные в этом отношении аналогии мы встречаем в жизни некоторых церквей Балканского полуострова за минувшее XIX столетие.

Начнем с церкви королевства греческого. Когда здесь в 1821 г. вспыхнуло восстание для достижения политической свободы, естественно, прервались и сношения между иерархией восставшей страны и патриархом Константинопольским. 23 июля 1823 г., после того, как установлено было государственное управление в Элладе, и элладская церковь, решением 36 епископов, собравшихся в Навплии, была объявлена автокефальной, — во главе церковного управления в ней стал священный синод королевства греческого — без всякого «преемства власти». Признание же своей автономии эта церковь получила от Патриарха Константинопольского и других поместных православных церквей лишь в 1850 г. Но до этого времени, в течение 30 лет от начала восстания патриархи Константинопольские (Григорий V, Евгений I, Анфим III, Хрисанф I, Агафангел I, Константин I, Григорий VI, Анфим IV, Анфим V, Герман IV, Мелетий III, Анфим VI и снова Анфим IV), от которых отложились церковь элладская, считали-ли ее иерархию безблагодатной. Оснований для утвердительного ответа на этот вопрос мы не знаем. Патр. Григорий V, при котором началось восстание, тайно даже сочувствовал ему, за что и поплатился своей жизнью 10 апреля 1821 г.³⁾

В 1864 г. румынская гражданская власть в совершенно противоканонической форме объявила автокефальною местную церковь, поставив ее в полную зависимость от правительства, о чем патриарх Константинопольский, которому прежде была подчинена она, узнал лишь из румынских газет. Можно ли, поэтому, говорить о наличии преемства власти у

¹⁾ См. нашу ст. «К современным толкам о мнимой самочинности и безблагодатности нового церковного управления и подчиняющейся ему иерархии». Вестн. Свящ. Синода Правосл. Росийск. Церкви, 1925 г., № 2.

²⁾ См. опять нашу ст. «Какие права на управление Русской Церковью имел бы п. Тихон после собора 1917—1918 г.г.». Вестник Священ. Синода, 1926 г., № 6 (2).

³⁾ БЕРДНИКОВ И. С. проф. Основные начала церковного права православной церкви. Казань, 1912. Стр. 266—282. ПРАВОСЛ. БОГОСЛОВ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. изд. журн. «Странник», т. IV. Петроград. 1903. Стр. 586. Ст. проф. И. И. СОКОЛОВА, — ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. — Григорий V. патр. Константинопольский. Казань, 1906. Ст. 414—477. ПАВЛОВ А. С., проф. Курс церковного права. Св. Троицк. Сергиева лавра, 1902. Стр. 264—265.

еновь организованного румынского синода? Только под влиянием мнения других автокефальных православных церквей (том числе и русской) и в видах умиротворения возмущенного религиозного чувства страны, румынское правительство вошло в сношение с Константинопольской патриархией о признании с ее стороны автокефальности румынской церкви, теперь уже согласованной в своем устройстве с общими каноническими началами православной церкви; 1 мая 1885 г. такое признание и последовало ¹⁾. Но ни один из 6 патриархов, правивших Константинопольскою церковью с 1864 г. по 1885 г., ни одна из поместных православных церквей — никогда не высказывали, будто за указанное время иерархия румынской церкви перестала быть благодатной.

Во второй половине XIX в., с пробуждением национального движения среди болгар, последние в 1857 г. заявили Констан-кой патриархии, от которой духовно зависели с конца XIV в., после падения болгарского царства, что они не желают теперь оставаться в этой зависимости. Болгары требовали или особого церковного управления с отдельной болгарской патриархией или — при единстве патриархии — попрежнему — назначения на болгарские епархии природных болгар с правом для болгарских представителей на участие на ряду с греками в общецерковных делах. Когда стремления болгар были отвергнуты греками, это в 1860 г. вызвало среди первых взрыв негодования. Началась страстная и ожесточенная борьба между греками и болгарами, продолжавшаяся целое десятилетие. Не находя возможным своими силами примирить интересы обеих спорящих сторон, Константин-ская патриархия в конце 1868 г. обратилась ко всем поместным церквам с о к р у ж н о й г р а м о т о й, призывая их для решения спорного вопроса на вселенский собор ²⁾. Но надежды на собор были неожиданно прерваны. 27 февраля 1870 г. издан был султанский фирман, учреждающий самостоятельный болгарский экзархат. Издание этого фирмана, которым болгары были довольны и которым они воспользовались для устройства своей автономной церковной жизни, однако не прекратило церковных волнений. В 1872 г. на поместном Константином-ском соборе, при участии патриарха Констанского, Александрия-го и Антиохийского, провозглашена была болгарская «схизма», при чем «приемлющие филетизм (т.е. держащиеся национальной обособленности) и держащие основывать на нем племенные сборища» были объявлены «чуждыми единой, святой, кафолической и апостольской церкви или, что то же, схизматиками» ³⁾. Но наша отечественная церковь, уже признавшая совместно с Констан-кой, автономию церквей — румынской и королевства греческого, не нашла возможным отказать в таком же фактическом признании с своей стороны и церкви болгарской, иерархия которой и не считается у нас безблагодатной.

Когда С е р б и я провозглашена была независимым государством и сербское правительство, после Берлинского конгресса 1878 г., обратилось к Константинопольскому патриарху с представлением о необходимости автономии для сербской церкви, прежде более или менее подчиненной патриарху, — в данном случае и сама патриархия пошла навстречу этому ходатайству. В 1879 г. патр. Иоаким III с своим синодом признал справедливым предоставить сербской церкви полную независимость в своем управлении под условием духовного единения с прочими автокефальными православными церквами по делам, касающимся всей вселенской церкви ⁴⁾.

Что же теперь следует из отмеченных обстоятельств истории поместных церквей — румынской, королевства греческого, болгарской, сербской? — Следует то, что русская церковь, руководясь примером и церкви Констан-кой, не отказывала в признании с своей стороны законности автокефалии названных церквей, хотя бы она и объявлялась первоначаль-

но без согласия на это Констан-ской патриархии, от которой зависели в последнее время. При этом, наша русская церковь никогда не считала иерархию каждой из названных поместных церквей утратившей благодать, утратившей потому только, что та или иная иерархия подчинилась новому церковному управлению, объявленному в стране, хотя бы и без «преемства власти». Значит, наша церковь и в указанных случаях так же, как и прежде в своей истории, всегда различала между преемством хиротонии и преемством власти и не считала это последнее необходимым условием благодатности иерархии, тем более, что не считает она безблагодатной даже и римско-католическую иерархию, давно уклонившуюся от общения с грековосточной церковью: представители римско-католической иерархии, если получили хиротонию в своей церкви правильно, преемственно от апостолов, принимаются в общение русской церковью «в сущем сани» без «перерукоположения», ¹⁾ лишь по отречении от своих прежних заблуждений ²⁾.

Если по введении автокефальных церковных управлений в королевстве греческом и княжестве румынском, вышедших из под духовной власти и патриарха Константинопольского, никто не считал автокефальной иерархии каждой из этих стран безблагодатной, если по объявлении независимости церкви болгарской, русская православная церковь не считает безблагодатной и ее иерархию, хотя она и не получила еще признания своей автокефалии от Константинопольской патриархии, если, наконец, отделение от общения с церковью греко-восточной церкви римско-католической не возбуждает у нас сомнения в благодатности последней и действительности всех ее таинств, — никто из здравомыслящих не может считать и иерархию, подчиняющуюся новому высшему церковному управлению, в лице Свящ. Синода Российской Церкви, безблагодатной, потому лишь, что это управление с ведома и согласия б. п. Тихона, сформировалось и стало во главе нашей церковной жизни в самый тревожный момент ее. Примеры из истории церкви русской (ее автокефалия со времени митр. Ионы, первоначальное учреждение патриаршества, замена его Свят. Синодом в 1721 г., Синод нового состава — в 1917 г.) и церквей — королевства греческого, княжеств румынского и болгарского, когда в этих церквах создавались новые формы управления, первоначально не имевшие признания от Константинопольской патриархии, которой названные церкви доселе подчинялись, — все эти примеры ясно свидетельствуют, что перемена в управлении той или иной церкви, хотя бы и без признания такой перемены патриархией, от которой последняя прежде зависела, сама по себе вовсе не влечет неизбежно за собой утрату спасительной благодати их иерархией. О таком печальном результате при перемене церковного управления нет речи и ни в одном из церковных правил. Клеветнические толки о «безблагодатности» современной синодальной иерархии пускаются в массу верующих лишь по невежеству или по «презорству» руководителей тихоновщины, не желающих знать ни канонов, ни церковной истории, лишь бы опорочить в глазах народа тех, что не пошел за ними. Но невежество и «презорство» — очень плохие спутники в жизни церковной, особенно — когда влекут за собой соблазн «малых» по вере (Мф. XVIII в.). Притом теперь, когда Свящ. Синод Православной Российской Церкви состоит уже в братском общении с православными восточными патриархами, грамоты которых к Синоду своевременно печатались в его «Вестнике», упомянутые толки о мнимой «безблагодатности» синодальной иерархии уже не только не основательны, но и просто — нелепы.

Проф. Прот. Н. Г. Попов.

¹⁾ БЕРДНИКОВ И. С. проф., там же, стр. 297—303.

²⁾ Ответы поместных церквей на эту грамоту напечатаны в сентябрьской книжке Христиан. Чтение за 1869 г.

³⁾ ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. проф., Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской, румынской и М., 1871. Стр. 184—295 и сл. БЕРДНИКОВ И. С., проф. там же, стр. 217—223. Православн. богослов. энциклопедия, т. II, Петроград, 1903. Стр. 914—923.

⁴⁾ БЕРДНИКОВ И. С., проф. там же, стр. 312. 316—317.

¹⁾ О «перерукоположениях», творимых по невежеству и «презорству» тихоновщины, см. нашу ст. в № 12—13 «Вестник Свящ. Синода» за 1926 г.

²⁾ Нельзя решительно утверждать, писал митр. Московский ФИЛАРЕТ, что западные лишены благодатного дара священства в непрерывном от апостолов рукоположении, которое они сохранили. Вот почему, когда западный священник оставляет свой раскол, православная церковь примет его как священника (Христиан. Чтение, 1906 г., июль, стр. 130). Мы чтим апостольское преемство латинской иерархии и приходящих к нашей Церкви клириков их принимали в сущем сани, высказано было и в послании (от 25 фев. 1903 г.) Свят. Синода ко вселенской патриархии («Вера и Церковь», 1903 г., кн. VI, стр. 110).

Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом Р. П. Ц.

В 1923 году осенью некоторые находящиеся в Москве архиереи тихоновской ориентации, стоящие близко к б. патриарху Тихону, как помощники последнего в делах церковного управления, имели тяготение к объединению со Священным Синодом Р. П. Ц. В бытность мою проездом в Москве я случайно попал на заседание одного из собраний тихоновских архиереев и потому был невольным слушателем и свидетелем их суждений и взглядов на положение Российской Православной Церкви, в связи с создавшимся разделением ее на две неровные части. Мог я попасть на это собрание потому, что принадлежал к их среде и только что был удален со Ставропольской архиерейской кафедры, как принадлежавший по неведению к церковной тихоновской организации, а потому со стороны тихоновских архиереев пользовался доверием. Это собрание повидимому было секретное и происходило в Михайловском храме Донского Монастыря в последних числах сентября месяца 1923 года. Там присутствовало 27 тихоновских епископов, в том числе был и я — Ваш покорный слуга. На этом собрании три тихоновских архиерея: (Архиепископ Серафим (Александров), Архиепископ Илларион (Троицкий) и Архиепископ Тихон — Уральский (по профессии, кажется, врач) делали доклад о своих предварительных переговорах с митрополитом Евдокимом, быв. Председателем Священного Синода Р. П. Церкви обновленческой ориентации по вопросу о ликвидации разделения Церкви и о принятии или непринятии тихоновцами проектируемых способов объединения их с обновленцами. Первым делал доклад Архиепископ Серафим (Александров), который начал свой доклад таким образом: «Богомудрые Архипастыри, мы только что сейчас, в количестве трех уполномоченных Святейшим патриархом Тихоном лиц, были у Высокопреосвященнейшего Митрополита Евдокима, где около 2-х часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший Митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно, принципиально с коими мы согласились. Это — 1) Согласны ли мы на примирение с ними. Если мы согласны, то надо 2) завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору и 3) Поместный Собор открывает Святейший патриарх Тихон. На этом соборе патриарх Тихон должен отказаться от управления Церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести все это в жизнь, то Высокопреосвященнейший Евдоким дал нам обещание, что патриарх Тихон будет на Соборе ими восстановлен в сущем сане». Между прочим Архиепископ Серафим (Александров), в конце своего краткого доклада упомянул, что очень желательно было бы присутствие на этом совещании Архиепископа Феодора (Поздеевского), как авторитетного ученого и популярного в Москве святителя. Официальное приглашение Архиепископу Феодору передано, но он ничего не ответил, и сам не явился на это собрание. Но если на этом собрании не было Архиепископа Феодора, то были здесь ярые сторонники и почитатели Феодора. Так, некто епископ Амвросий, бывший Винницкий, Викарий Подольский, сторонник и единомышленник Архиепископа Феодора, выступил с речью по существу доклада Архиепископа Серафима. Он начал свою речь приблизительно так: «Меня удивляет и мне не совсем понятно, почему Вы, Ваше Высокопреосвященство, называете Евдокима Высокопреосвященнейшим Митрополитом. Признаете ли Вы его за законного Архиерея». Архиепископ Серафим ответил утвердительно, что он пока его признает законным архиереем и что этот вопрос спорный». Далее епископ Амвросий продолжал: «А для меня и наверное и для других, здесь присутствующих, Евдоким вовсе не Высокопреосвященнейший Митрополит, а бывший Архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам, самозванному духовенству, отколовшемуся от Святейшего патриарха Тихона и (по его идеологии) от Церкви Христовой. Сами посудите, кто у них первыми вершителями дел были? Быв. епископ Антонин, состоявший на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания святых угодни-

ков Божьих, признает только Св. Троицу и свящ. события из жизни Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать, он не признает крещения младенцев и причащает по католически. Епископ Леонид — нам мало известная личность, но он несомненно подкуплен, дабы расшатать, канонические устои Св. Православия. Введенский, бывший Петроградский священник, а теперь женатый архиерей, чуть ли не из евреев; священник Боярский высказывался кощунственно на их незаконном Соборе 1923 г. против почитания св. мощей. Вот эти опороченные люди и восстали против святейшего патриарха Тихона и Св. Православия, и святейший патриарх во всяком случае не мог им поручать управления церковью и образовывать ВЦУ. Некоторым из них лицам поручено было только патриаршую канцелярию привести в порядок, а они, воспользовавшись этим, самочинно захватили и патриаршую власть в свои руки, образовали ВЦУ и устроили незаконный Собор. Вот к ним и присоединился бывший Архиепископ Евдоким и тем самым откололся от Церкви Христовой, а посему он не может быть законным архиереем». На это Архиепископ Илларион (Троицкий) сказал так: «Да для нас фактически митрополит Евдоким не является законным митрополитом, как сам отколовшийся от Церкви Христовой, но Церковь-то Христова своим постановлением юридически еще ведь не санкционировала его отпадение и ниспадение в ряд мирян, она его еще терпит в сущем сане. Вот когда будет собор, там все это будет рассмотрено, и если Собор признает митрополита Евдокима и других виновными и отпадшими и сделает свое окончательное решение о сем, тогда мы не вправе будем величать Владыку Евдокима Высокопреосвященнейшим. Все-таки еп. Амвросий с этим не согласился. Архиепископ Илларион (Троицкий) еще раз высказался, что он везде бывал, много говорил по церковному вопросу с компетентными людьми, и пришел к тому заключению, что для них тихоновцев — больше выхода нет, как только одно — подойти к Священ. Синоду Р. П. Ц., договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев Православной Российской Церкви. Все наше разделение, говорил Архиепископ Илларион, основано только на недовольстве некоторыми иерархами и православными мирянами личностью патриарха Тихона».

Один из епископов (не помню имени его) спросил Архиепископа Серафима и не получил на это ответа: «я не понимаю, почему мы должны идти к обновленцам по их предложению мириться. Если это им нужно, пусть они к нам идут для примирений. Мы будем очень рады. Другой же епископ (имени его не помню) спросил Архиепископа Серафима: «Скажите, Ваше Высокопреосвященство, знает ли о всем этом — нашем собрании и предметах обсуждения его сам Святейший патриарх Тихон. Если он знает, то как он смотрит на все это». Архиепископ Серафим сказал: «Мы ни одного шагу ступить в делах церковных не можем без воли патриарха Тихона. Конечно, обо всем этом я Светейшему докладывал и просил его благословения на собрание. Святейший Патриарх Тихон мне ответил так. Я привожу буквальные слова Его Святейшества: «Надоел я Вам, братцы, возьмите метелку да и гоните меня». Повидимому бы патриарх Тихон ничего не имел против того, если ему для блага Церкви необходимо отойти в сторону от кормила правления «Русской Церкви». — Выступал против сближения с обновленцами быв. Ставропольский епископ Дмитрий, который был в свое время епископом Можайским, Викарием Московской Митрополии. Этот епископ вполне разделял реакционные взгляды на Церковь епископа Амвросия и сторонников его. Мне хорошо известно, что он почтил своим визитом и Архиепископа Феодора (Поздеевского), проживавшего в то время в Даниловом монастыре. Епископ Дмитрий без ведома и благословения патриарха Тихона ушел в Грузию в ведение Грузинского католикоса и там устроился, а в 1923 году явился в Москву, дабы исправить свою ошибку, восстановить свою каноническую субординацию к патриарху Тихону. Тут ему понадобилось и благословение Русского Патриарха. Невольно мне еще тогда думалось, что, наверно, многие архиереи и в Бога-то веруют только потому, что сыты, здоровы и спокойны,

а отнимите все это от «Димитриев», то им и Бог и «тихоны» не нужны будут. Так я помышлял о тихоновских архиереях. Как же после этого епископ Димитрий мог винить обновленцев в походе против патриарха и в разрыве с ним канонической субординации, когда сам виновен в этом? К нему вполне приложимо: «Врачу, исцелился сам». Фактически же обновленцы в свое время получили благословение от патриарха Тихона на предмет управления русской церковью. Ложность же толков тихоновских архиереев о том, что патриарх Тихон не мог им передать своих полномочий по управлению Церковью очевидна. Мне лично приходилось слышать в покоях Архиепископа Феодора (Поздеевского), где быв. присяж. поверенный и проф. Московского Университета Кузнецов говорил, что в сущности патриарх Тихон виноват в том, что перед своим арестом растерялся и бросил свои полномочия по управлению Церковью, никому не передавая своей власти, а обновленцы подобрали ее и спасли Церковь. Хотя это в некоторой степени подобострастный взгляд и не совсем точные справки, тем не менее они нисколько не говорят за то, что б. патриарх Тихон был настроен против обновленцев, а посему он вполне мог согласиться передать им свои полномочия по управлению церковью, что и сделал.

Далее выступил с своею речью Новогеоргиевский епископ Вассиан: «я слышал на улице один из моих знакомых светских людей встретился и сказал: «Владыка, у Вас сегодня будет собрание в Михайловском храме. Будете обсуждать о том, как подойти к обновлецам и примириться с ними. Митрополит Евдоким признает патриарха Тихона патриархом, чрез него откроет Поместный Собор, удалит его на покой, а сам займет его место, провозгласив себя патриархом. Но едва ли кто пойдет за Евдокимом, потому что он идет против монашества. Как все это могло случиться и допускаете ли Вы возможность притязаний на патриаршество со стороны митрополита Евдокима?».

Все-таки большинство епископов было против того, чтобы завязывать какие-либо связи с обновленцами, старались изобразить последних людьми безнравственными, ищущими земных жизненных удобств и с религиозными наклонностями к протестантизму. Закрытой баллотировкой проект примирения и соединения с обновленцами большинством голосов был провален, и собрание закрыто.

Архиепископ Феодор (Поздеевский), быв. настоятель Данилова монастыря в Москве, бывший Ректор Московской Духовной Академии и епископ Волоколамский, известный москвичам, как ученый аскет — монах, являлся в то время главным оплотом тихоновщины, как самый правый церковный реакционер. У него много было поклонников и поклонниц, и даже из его учеников архиереев. Почти каждый тихоновский архиерей считал своим нравственным долгом почтить Владыку Феодора, явившись к нему на поклон и за «мудрыми» его советами. Я лично бывал у Архиепископа Феодора, и он мне казался слишком высокомерным, а за неимением в Москве родственников и знакомых я даже останавливался с разрешения Архиеп. Феодора в Даниловом монастыре. На моих глазах много перебивало архиереев у Архиепископа Феодора, а некоторые даже временно жили у него и при нем. Между прочим впервые я там познакомился с Архиепископом Углическим

Серафимом (Самойловичем), Викарием Ярославским, бывшим сопровождаемым п. Тихона по Америке. Постоянными друзьями и советниками Архиепископа Феодора были — митрополит Серафим (Чичагов) и Архиепископ Гурий (Степанов), проживавший тогда в Москве. Они также держали себя в стороне от канцелярии б. патриарха Тихона. Когда я бывал у б. патриарха Тихона с визитом, то б. патриарх иногда спрашивал меня, где я остановился в Москве. Я говорил б. патриарху Тихону, что я остановился проездом в Даниловом монастыре у Архиепископа Феодора. — «А, это в конспиративном Синоде» — говорил с насмешкой б. патриарх Тихон. Когда я о сем передавал Архиепископу Феодору, то ему это очень не нравилось. Архиепископ Феодор как-то вдали держался от Донского монастыря и канцелярии б. патриарха Тихона, но архиереи с поклоном ходили как к патриарху Тихону, так и к Архиепископу Феодору. Феодор был своего рода второй патриарх. Архиепископ Феодор почему-то очень был недоволен политикой Архиепископа Иллариона (Троицкого), который в то время был правой рукой б. патриарха Тихона и вершителем всех церковных дел в тихоновщине. Архиепископ Феодор мне говорил, ругая Иллариона, что он погубит патриарха Тихона и Церковь, а в патриархе все спасение». Если же патриарха Тихона не будет, то Власть не допустит вообще в Русской Церкви патриаршества, а без патриаршества для Церкви — крах. Такова идеология о Церкви Архиепископа Феодора. Несомненно Феодор и Илларион расходились между собою только по вопросу о личности патриарха Тихона, а по взглядам своим на форму правления церковью оба были патриархисты.

В 1925 году, в первых числах октября мес. я случайно встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме — «Коровники» с архиепископом Илларионом (Троицким). Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму. У нас с ним зашел спор по вопросу «о живой церкви». Все еще Архиепископ Илларион или по злобе на обновленцев или заподозривая нас в неискренности церковного обновления смешивает нас с живоцерковниками. Он мне сказал: «Зачем Вы отошли от патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую Вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой «живою церковью»? На это я сказал: «Клятвы я не нарушил. С живою церковью я не имел и не имею ничего общего». — «Вы отпали от Церкви» — сказал мне Архиепископ Илларион. «Это неправда, сказал я, я был в Церкви Христовой и остался в ней по сие время, а вот Вы — тихоновцы фактически отпали. Восточные патриархи не с вами, а с нами». — «Какие мы тихоновцы, заговорил арх. Илларион, что Вы треплете имя покойного святейшего патриарха Тихона? Мы — православные. Восточные патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский Ваш изолгался. Ведь я с ним на диспутах в Москве выступал, я его к стенке прижимал, мне все их хитрости прекрасно известны». Далее из уст староцерковного архиерея полились нелестные реплики по адресу обновленцев. Мне не пришлось с Илларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. Только в заключение или на прощание, вернее, мне сказал Архиепископ Илларион: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю».

Гервасий, Епископ Курский и Обоянский.

Обновленчество и сектантство.

(К пятилетию обновленчества).

Обновленческое движение, решительно выступившее на борьбу с мрачным наследием прошлого Православной Русской Церкви, естественно не могло не обратить внимания русского сектантства, которое должно было поставить вопрос: кто такие обновленцы, — враги или друзья сектантства, пойдут ли они радикально по пути реформации церкви, порвут ли связь со своей историей Церкви, или только — с теми наслоениями, какие нанесены союзом Церкви с государством, будут ли защищать основы Вселенской Церкви, или, подобно сектантам, пойдут по пути крайнего рационализма. Настроение сектантов было тревожное и выжидательное. Часть из них

(баптисты, молокане) держались выжидательно, не делали никаких попыток к выявлению отношений обновленцев к сектантам. Евангельские христиане, напротив, сделали попытку завязать связь с обновленцами, окончившуюся, разумеется, неудачно, потому что сектанты диктовали условия обновленцам, а не наоборот. Но среди сектантов нашлись и такие, которые выступили решительно против основ обновленчества и повели активную борьбу, против него, — одни на стороне староцерковников, другие — самостоятельно. Обновленчеству же самому необходимо было выявить решительное отношение к сектантству, как потому, что его самого староцерковники обви-

няли в сектанстве, так и потому особенно, что обновленчество, в противоположность староцерковничеству, представляет собою свежие, живые струи религиозной православной жизни, и потому естественно должно бороться против уклонений от православия.

Рассмотрим детальнее отношение сектантства к обновленчеству, а также и то, как обновленчество реагировало на заигрывания сектантов. Баптисты высказывали суждение об обновленчестве на Всемирной конференции баптистов в Стокгольме 1923 г. В своем докладе на конференции Павлов говорил, что обновленческое движение не оправдало возлагаемых на него надежд, потому что ограничилось лишь небольшими реформами. Поэтому, по мнению Павлова, правда, не выраженного открыто, но читаемого между строк, баптистам нечего бояться обновленчества, потому что «современный баптизм, говорил он, из революции вышел еще более расширенным количеством последователей и является в данное время наиболее могущественным по своей организованности религиозным движением, в противоположность Православной Церкви, раздираемой внутренними спорами. Падение великого Вавилона уже совершилось: все, что происходит теперь — это «последние конвульсии и некоторое движение по инерции» (это обновленчество)» («Баптист» № 3, 1925 г.).

Нет, — скажем мы баптистам, — обновленчество за 5 лет сумело уже организовать противосектантскую миссию на совершенно новых началах, которая сможет подорвать самые основы баптизма, и баптистам не видеть тех, по признанию Павлова, православных пустующих храмов, которые будут наполнены, когда перейдут к баптистам, переданные добровольно баптистам прежними прихожанами (там же). Но эти слова, сказанные в 1923 г., совершенно не оправдались во всем СССР; баптисты не получили ни одной Церкви указанным Павловым путем, а на их неоднократные просьбы к обновленцам о предоставлении им в совместное пользование православных храмов обновленцы отвечали решительным отказом, несмотря на обещания крупных взносов на содержание и ремонт храмов.

Во время Всесоюзного Съезда баптистов в декабре 1926 г. баптисты не разрешили присутствие на Съезде в качестве гостей представителей редакции «Вестника Св. Синода» и студентам Богословской Московской Академии. Молокане в своем журнале «Вестник духовных христиан-молокан» (№ 1—2 1926 г.) посвятил обновленчеству специальную статью: «Раскол в русской Православной Церкви». В этой статье автор делает попытки установления церковных группировок и делает характеристики обновленческих группировок. Церковных течений в Православной Церкви намечается 7: староцерковники, обновленцы, «Церковное возрождение», «Трудовая Церковь», «Живая Церковь», «Древле-апостольская Церковь» и автокефальная Украинская Церковь. Староцерковники стоят за единоличное управление и недопускают никаких существенных изменений в порядках Православия. Обновленцы отрицают единоличную власть и стоят за соборную власть, ввели женатый епископат, не отрицают и монашеского, и второбрачие клириков. «В других церковных правилах никаких существенных изменений нет. Характеризуя личность и деятельность Митрополита Александра (Введенского), молokane отрицательную сторону его усматривают в том, что он выступает на диспутах как идеалист, а между тем под флагом идеализма он защищает свой церковный дуализм». Что разумеют здесь молokane под дуализмом — неясно, но скорее всего то, что он ведет неустанную борьбу с наследием прошлого — староцерковничеством, и эта борьба не набрасывает тени на чистый идеализм выступлений как его, так и других вождей обновленчества.

«Церковное возрождение» — небольшое течение, вносящее некоторые изменения в старых церковных порядках (новый стиль, русский язык, престол на середине храма, изменение некоторых песнопений и т. д.).

«Трудовая Церковь» — симпатичное, с точки зрения молokane, течение, тем, что устраивает диспуты по воскресным дням с допущением на них свободного обмена мнений, чего будто бы не устраивает ни одно из других церковных течений. Никаких существенных изменений это течение не вносит.

«Живая Церковь» характеризуется только борьбой за власть.

Под именем Древле-апостольской Церкви молokane разумеют собственно толстовские течения. Наконец, автокефальная украинская Церковь, стоит близко к обновленцам и ведет борьбу со староцерковниками.

Мы нарочно привели суждение молokane о церковных группировках, так как из них видно, что сектанты следят за церковной жизнью, подмечают все выдающееся в ней, но оценивают эти движения по-своему, с чисто сектантской точки зрения. Почему, спрашивают молokane, раскалывается православная Церковь и отвечают: потому что не имеет под собой твердого фундамента — разумного понимания христианства, — вместо которого будто бы находятся надутые пузыри мистического учения церковных властей. Нет, ответим мы сектантам на это, не потому, ибо наше основание — Христос, а потому что христианство засорено историческими наслоениями, и обновленчество, счищающее эти наслоения с тела Церкви, естественно сталкивается с консерватизмом тех, для кого эти наслоения, может быть и дороги. И те группировки обновленческих течений, которые перечисляются молokane, являются уже достоянием истории, потому что вождь обновленчества — Св. Синод — уничтожил эти группировки, и под знаменем его собрались все обновленческие силы, за исключением лишь упорных, и пример главы «Церковного Возрождения» — Митрополита Антонина, должен показать всем, что недалеко то время, когда от обновленческих группировок не останется и следа. И приведенные в статье слова Толстого, что церковное христианство должно уничтожить само себя или же совершать новые и новые преступления — не подходят к обновленчеству, стремящемуся к миру со всеми христианами.

Евангельские христиане, как указывалось выше, не ограничивались только наблюдением над ходом обновленческого движения: они сделали 2 решительных шага, чтобы войти в контакт с обновленческими группировками, при чем контакт этот должен был состоять в принятии обновленцами программы евангельских христиан, или присоединении их к последним.

6 сентября 1922 г. за подписью И. Проханова и членов Совета «Свободной Народной Евангельской Церкви» было послано «Открытое послание Высшему Церковному Управлению Православной Церкви и группе «Живой Церкви».

В этом послании, приветствуя зародившееся в Православной Церкви движение, Евангельские христиане указывают, что пред Живой Церковью лежат 2 пути: а) она может, подобно многим прежде «оживляющимся церквям» на Западе, немного прожить, и затем опять умереть, и б) она может жить, развивать свою жизнь и даже изобиловать жизнью неограниченное время. Для этого, чтобы жить, церковь должна — отвергнуть все, что будто бы основывается не на Слове Божием, а на предании — крещение младенцев, таинства причащения и священства, иерархию, почитание святых, все обряды, моление за умерших и т. д., короче говоря, принять полностью программу евангельских христиан. Так как последним стало известно, что обновленческое движение не собирается устраивать церковной реформации в понимании сектантов, то евангелики старались запугать обновленчество тем, что Церковь не будет подлинно — «живой», если она ограничится половинчатыми реформациями. В заключение авторы послания, дав характеристику своего движения как «всеобъемлющей вселенской Церкви» предлагали «Живой Церкви» усвоить глубокие основы веры и духовной жизни, заложенные в фундаменте Свободной Евангельской Церкви, применить их к своему домостроительству, и, вместе с нею, на началах Евангелия, ревностно воздвигнуть великое здание истинной Церкви Христовой, в частности — разрешить проповедникам евангеликов выступать в обновленческих храмах с проповедью, устраивать совместные молитвенные собрания. Но Высшее Церковное Управление в своей деятельности ясно показало, что ему не по дороге с сектантами и что оно намеченные реформы проводит только после одобрения их Собором.

Потерпев здесь неудачу, Проханов 16 марта 1923 г. делал выступление на Первом Всероссийском Съезде Древле-Апостольских Общин. Свою речь на этом Съезде Проханов почему-то называет: «исторической». В этой речи, указавши руководящие начала строительства церковного в духе программы евангельских христиан. Проханов сравнивает обновленческое движение с группой детей, желающих переделать, обновить старый дом для отца. При этом обновлении есть громадная опасность — сохранить как можно больше старого материала.

из коего может попасться и плохой, или даже ограничиться только переклейкой стен. Что же предлагают евангелики? Продолжать переустройство дома, с соблюдением основных начал евангельского учения (т.е., разумеется, сектантской программы), или примкнуть к армии строителей нового дома — Евангельским Христианам — и тогда совершить истинную Евангельскую реформу. Но и этот призыв Проханова остался без надлежащего ответа, а жизнь обновленчества пошла не по тому руслу, в какое так настойчиво направляли ее сектанты.

Теперь обратимся к другим сектантским течениям. Хлыстовские течения встретили обновленческое движение враждебно. И это понятно. Обновленчество ставит своей задачей очищение религии от всех исторических наслоений, чуждых элементов, суеверий и т.д., т.е. всего того, чем живет и дышит хлыстовство. Последнее ведь не порывает наружной связи с Православием, и вот, когда на сцену выступило обновленческое движение с его программой, то хлыстовство и его родное детище — иоаннитство решительно выступили против него, распуская всякие небылицы о нем, поддерживая староцерковников в борьбе против обновленчества. Об этом сообщалось с Кубани, из Курской губ. В Молдавской АССР воскрешает иннокентиевщина в виде игнатиевщины, при чем сектанты живут в тесном контакте с староцерковниками, и последние асто пользуются сектантами, особенно женщинами, в борьбе против обновленчества. В последнее время хлыстовские течения поддерживают монахи и монахини, после закрытия монастырей рассеявшиеся по деревням. От них, конечно, нельзя ожидать сочувствия обновленчеству, а напротив, можно ожидать самую непримиримую ненависть к нему, поскольку обновленчество указало на ненормальное положение монашества и на Соборе 1923 г. наметило пути к реформе монашества.

Самыми же непримиримыми врагами обновленчества, не стесняющимися в средствах против него, являются сектанты — липковцы на Украине, известные под именем самосвятов. Представляя из себя обновленческое движение за год ранее рождения русского обновленческого движения (липковцы ввели женатый епископат, второбрачие клириков, украинский язык при богослужении, соборноправность в управлении), липковщина сразу после появления обновленцев в Киеве проявила некоторую растерянность, которую обновленцы, к сожалению, не использовали. Почти в один день с регистрацией в Киеве группы «Живая Церковь» была зарегистрирована группа украинцев: «Церква Жива», но, несмотря на сходство программы, обновленцы не могли установить контакта с этой группировкой, потому что расходилась во взглядах на социальную революцию и во взгляде на украинскую иерархию. «Живая Церковь» признавала справедливость социальной революции, а, «Церква Жива» признавала ее только необходимым историческим моментом. Иерархию украинскую «Живая Церковь», конечно, не могла признавать истинной. Поэтому и неоднократные переговоры представителей обоих течений успеха не имели. А о том, что украинцы интересовались работой «Живой Церкви», показывают следующие факты. На С'езде «Живой Церкви» в Киеве присутствовали в качестве гостей представители иерархии (Еп. Конон Бей и др.) и представители группы («Церква Жива»). К пишущему эти строки приходил Подольский архиепископ Иван Теодорович с вопросом: «что вы будете с нами делать».

После Собора 1923 г., когда обновленчество начало проводить реформы, вводить украинский язык, автокафелию Церкви, липковцы увидели, что обновленчество стремится подорвать авторитет новой иерархии, и тогда начала решительную борьбу против обновленчества. Так как реформы касались одних и тех же вопросов, то липковцы старались дискредитировать обновленчество в глазах масс обвинением в том, что оно вводит новый стиль. Затем повторялись все те гнусные клеветы, какие распускались староцерковниками. Припоминаю следующий возмутительный случай. В Киевской «Пролетарской Правде» была помещена статья, раскрывавшая историю праздника Св. Троицы и историю догмата о Св. Троице. Автор заметки — рабкор, не разбиравшийся в тонкостях богословия, написал (неизвестно из каких источников), что Собор 1923 года стал на точку зрения арианства в учении о Сыне Божиим (?). И вот «Архиепископ Нестор Шахаевский, раз'езжая по епархии, читал эту статью в церквах и говорил, что обновленцы так учат о Св. Троице. При завоевании липковцами приходов одним из главных аргументов против сла-

вянских священников было то, что они «живисты». Не обходилось дело и без физических насилий над обновленцами. Достаточно указать факт 1923 г. когда толпа украинцев, настроенная самосвятами, ворвалась в церковь, где служил Еп. Иосиф Япковский, викарий Киевский епархии и камнями едва не побила ему головы. А какие клеветы распускали самосвяты — епископы во время Украинского Собора 1925 года при торжественном богослужении в Николаевском Соборе г. Харькова!..

Чем и как реагировало обновленчество на выпады того и другого рода сектантов?

Собор 1923 г. не ставил вопроса о сектантстве, но в своей резолюции по докладу о церковных реформах, в коей отмечалось, что Собор, не вводя никаких догматических и богослужебных общеобязательных реформ, приглашал всех работников обновления охранять единство Церкви — дал ясный и исчерпывающий ответ на все предложения сектантов о контакте и показал, что между обновленчеством и сектантством лежит непроходимая пропасть, перейти которую можно только, покрыв полнотою православия недостатки догматики сектантства.

Вскоре после Собора 1923 г. высшим органом обновленчества — Св. Синодом — были разосланы 2 циркуляра, в коих предлагалось Епархиальным Управлениям представить в организуемый при Св. Синоде Миссионерский Совет сведения о местных сектах, характере их пропаганды, а также — сведения о наличных миссионерских силах, кои могли быть использованы как на местах, так и для работы в центре.

Великое Предсоборное Совещание 1924 г. включило в свою программу вопрос о сектантстве. По докладу, напечатанному в № 2 «Вестника Св. Синода», Совещанием была принята резолюция, коею обновленческие силы призывались к организации на новых началах, высказано было пожелание о реорганизации Миссионерского Совета в смысле привлечения в него живых сил, а сектанты приглашались пред предстоящим Вселенским Собором высказать свои сомнения, недоумения, чтобы разрешить их авторитетным словом Собора. С начала учебного 1924 — 25 г. в Московской Богословской Академии было введено преподавание сектоведения. Расширенный Пленум Св. Синода и С'езд обновленческих деятелей в январе 1925 г., по докладу, напечатанному в № 3 Вестника Св. Синода, высказался в том смысле, что обновленчество должно вести планомерную организованную борьбу против сектантства. Пленум Св. Синода в апреле 1926 г. организовал Миссионерский Совет, который занялся подготовкой Миссионерского Всесоюзного С'езда. С 10 № в Вестнике Св. Синода открыт специальный миссионерский Отдел, в котором печатаются статьи по истории сектантства и полемике с ним.

Наконец, в феврале 1927 г. состоялся Всесоюзный Миссионерский С'езд, на котором присутствовали члены Пленума и многие выдающиеся деятели миссии. На с'езде были предложены доклады: Митрополитом Александром — О сущности сектантства, проф. Белоликовым: «О типах Современного сектантства» и прот. А. Эндека — «О практических мерах борьбы с сектантством». С'ездом издано специальное воззвание к сектантам и реорганизован Миссионерский Совет из лучших ученых и миссионерских сил, ближайшей задачей коего является организация миссии на местах и издание противосектантской литературы. Наконец, Св. Синодом воспринята идея организации народной миссии, и к празднику пятилетия обновленчества приурочивается открытие обновленческо-миссионерских курсов для мирян г. Москвы.

Некоторые Епархиальные Управления уже организовали у себя противосектантскую миссию (особенно Кубань), в Самаре организовано издательство «Церковная Жизнь», которое в скором времени выпускает серию противосектантской литературы. Московская Богословская Академия готовит новое поколение миссионеров.

Окидывая взором пятилетие обновленчества, мы должны отметить следующее.

а) Обвинения обновленцев в сектантстве, которое часто раздавалось в лагере староцерковников, есть нечто иное, как клевета на обновленчество, опровергаемая тем, что последнее, несмотря на заигрывания со стороны сектантства, ни на минуту не отступало от чистоты православия.

б) Обновленчество, главное внимание обращавшее на укрепление себя, на умиротворение Церкви, раздираемой староцерковниками, не могло, может быть, уделить надлежащего

внимания делу миссии, но, что сделано — показывает, что только обновленчество и борется с сектантством, стремится остановить натиск последнего, чтобы потом начать возвращение своих чад, ушедших в разные секты — и, несмотря на трудности, отсутствие средств и людей, — достигло в этом отношении больших успехов.

в) Вступая во второе пятилетие своего существования и деятельности, обновленчество, руководимое авторитетным Миссионерским Советом, энергично примется за организацию дела миссии на новых началах, в духе любви и мира, не прибегая к прежним методам борьбы, и чувствуя себя твердо на фронте борьбы за мир Православной Церкви, — будет иметь — надеемся — полный успех в деле миссии.

Количественное усиление сектантства, новые пути и методы пропаганды не должны смущать обновленцев, и с помощью Божией, обновленчество возьмет на себя тяжелый труд защиты Православия, будет чинить раздранную сектами ризу Христову, и имея в себе наличие живых научных и миссионерских сил, будет иметь успех и этим оправдает свое историческое существование, и тем побудит и староцерковников видеть в ней защитницу православия.

Бог да благославит новое пятилетие работы обновленчества в дела миссии.

Проф. В. Белоликов.

Православные! Откликнитесь на большое горе маленького прихода!

В ночь на 14-е января 1926 года сгорел деревянный храм в селе Боровкове Вятской губернии. Приход мал, беден, новый, открыт 11 лет тому назад.

Братие Пастыри! В своих церквях пригласите верующих пожертвовать на постройку храма!

Пожертвования благоволите направлять по адресу: г. Советск, Вятской губ., Епископу Филарету Домрачеву, Мировая ул., д. № 1.

Филарет, Епископ Яранский и Уржумский.

Вятка, 24 февраля 1927 года.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ПРОВИНЦИИ.

Голос простой мирянки.

(Очередной Епархиальный С'езд в Ленинграде).

6 — 10 февр. с. г. в Ленинграде происходил очередной Епархиальный С'езд. Активное участие в нем принимали миряне (194 человека), организованно избранные приходом.

Насколько велик интерес сознательных мирян к церковному движению, можно видеть из печатаемого ниже документа.

Это — выдержка из отчетного доклада своим избирателем делегатки Матфиевского Собора в Ленинграде А. П. Митурич. Последняя была долгое время староцерковницей, но, побежденная правдой обновленческого движения с энергией отдалась теперь новому церковно-приходскому строительству.

Мы оставляем в стороне исторический очерк обновленческого движения, который делает А. П. М. в своем докладе, и печатаем лишь ее впечатления от докладов на С'езде, дающие ей возможность суммировать ответы на выдвигаемые церковным разномыслием вопросы так, как эти ответы складываются в сознании церковно-настроенного интеллигентного человека. «Разбор вопроса: В чем обвиняют староцерковники обновленцев».

Обвинения.

- а) в непризнании власти патриарха,
- б) в признании белого епископата,
- в) в безблагодатности обновленчества,
- г) в непризнании обновленцев восточн. патриархами,
- д) в закрытии церквей,
- е) в изменении чина богослужения.

Обвинение первое: староцерковники упрекают обновленцев в том, что они не подчинились власти Патриарха Тихона, когда тот, раз отказавшись, опять самовольно взялся за руль управления церковью. Но могли ли обновленцы признающие одним из основных принципов чистого православия соборность, признать Патриарха, который, отвергнув соборное начало в управлении церковью, стал править единолично.

Обвинение второе: староцерковники крепко держатся черного епископата, т. е. ставят епископов исключительно из монахов. Обновленцы же считают, что при избрании епископов, надо больше всего обращать внимание на личные качества человека, на его нравственность, силу ума, глубину его веры и любви к Богу и ближним, безразлично, будет ли он из монахов или из белого духовенства, будет ли он холост, вдов или женат. Да еще вопрос, кто сумеет ближе подойти и понять нужды священнослужителей, обремененных семьями, и заведывать епархиальными делами, которые касаются и духовенства и мирян, человек ли сам семейный, живущий среди общества или монах, отрешившийся от всего мирского, давший обет целомудрия, послушания и нестяжания. История же говорит, что из 12 апостолов и 70 прочих учеников Христовых многие были женаты (Петр, Филипп и др.), позднее тоже было не редкостью, что епископы избирались не из монахов и даже не из белого духовенства, а из светских людей женатых.

Если бы староцерковники согласились притти на Собор 1925 г., этот вопрос, как и многие другие, был бы обсужден и разрешен, так или иначе сообщая и теперь не было бы больше разделения в Церкви. А ведь большинство было на стороне тихоновцев, чего же они опасались?

Обвинение третье: Тихоновцы с амвона громят обновленцев, называя их еретиками, утверждая, что пастыри их безблагодатны, таинства, совершаемые ими, не действительны, причащаясь они вкушают и дают вкушать другим просто хлеб и вино, а не тело и кровь Христовы. Переходящие в лоно староцерковников пастыри должны приносить публичное покаяние (спрашивается: в чем) и над ними должно быть совершено вновь рукоположение; обвенчанные ими должны быть перевенчаны. Храмы и иконы, перешедшие от обновленцев, переосвящаются.

Но ведь благодать Св. Духа, сходящая в таинстве священства на рукополагаемого, сходит от Бога, а не от людей, и благодатность или безблагодатность священника зависит не от других людей, не от тех даже, кто его рукополагает, а от него самого, его личного достоинства или недостойнства.

Отцы церкви учат, что при совершении таинства недостойным священнослужителем, действующим лицом является невидимый нам ангел, святость же таинства ни в каком случае не нарушается.

С тем, что по правилам церкви нельзя пересовещать рукоположение староцерковники совсем не считаются. А между тем священнослужители, переходящие в православие из католиков, раскольников и других христианских исповеданий должны приниматься в том же сане без вторичного рукоположения. Староцерковники считают отлученными от церкви не только пастырей обновленческих, но и все их паствы и вообще всех, находящихся с ними в общении.

Объявляя обновленческих священнослужителей лишенными благодати, тихоновцы произносят хулу не на людей, а на самого Духа Святого; при этом они впадают в тот тяжкий грех, о котором Христос сказал «Всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеком. Если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Матф. 12, 31, 32).

Переосвящение же храмов и чудотворных и других икон никак нельзя назвать иначе, как кощунством. Разве человек может осквернить святыню. Если бы это было так, то на земле уже давным-давно не осталось бы ни одного святого храма для совершения таинства; но Господь по милосердию Своему, несмотря на все человеческое недостойнство, не отнимает от нас, грешных людей, своей благодати, Своею любовью покрывает наши грехи и милует грешников, для спасения которых Он собственно и приходил на землю.

Обвинение четвертое: Как вам, известно, кроме русской церкви существуют на востоке еще и другие православные преемники, во главе которых стоят Патриархи Константинопольский, Александрийский, Иерусалимский — хранители древнего православия. Староцерковники до последнего времени поминали их в церковных молитвах и утверждали, что восточные патриархи находятся с ними в общении, обновленцев же считают еретиками. Патриарх же Сербский Лазарь даже проклял обновленческую церковь. В настоящее время достоверно выяснилось, что Патриарх Лазарь лицо выдуманное, не существующее; восточные же патриархи, познакомившись с положением церковных дел в России, нашли православным и благословили тот путь, которым ведет обновленческую православную церковь Священный Синод. Константинопольский и Александрийский Патриархи имеют в Москве своих представителей, которые состоят почетными членами Свящ. Синода и посещают его заседания. А в самое последнее время назначается представитель и от Патриарха самой древней из православных церквей — Иерусалимской. На съезде были прочитаны в переводе на рус. язык и предъявлены самые подлинники на ново-греческом языке двух последних грамот Иерусалимского Патриарха Дамиана от 25 декабря 1926 года, присланные на имя Председателя нашего Свящ. Синода, Высокопреосвященнейшего Владыки, Митрополита Вениамина.

В первой из них Патриарх Дамиан поздравляет нашего Владыку с праздником Рождества Христова, при чем высказывает самые искренние чувства любви и уважения к нему, просит передать приветствие и всем членам Священного Синода и призывает благословение Божие на нашего Владыку и его деятельность на пользу русской православной церкви.

Во второй грамоте Патриарх пишет о бедственном материальном положении Иерусалимской церкви, так как война лишила ее паломников и пресекла прилив пожертвований из России. Он обращается с просьбой довести это до сведения русского православного народа и надеется, что он откликнется и пришлет свою лепту на нужды Святой Земли.

Постановлено сделать сбор по всем православным церквям на Гроб Господень в неделю православия (первое воскресенье Великого поста).

Четвертый Патриарх Антиохийский не вошел еще в общение с нашей православной церковью из-за перерыва сообщений. Патриарх живет в Дамаске, где политическое положение крайне напряженное.

Теперь староцерковники перестали молиться за Восточных Патриархов, очевидно считая и их тоже впадшими в ересь.

Обвинение пятое: Тихоновцы обвиняют вождей обновленчества в закрытии некоторых из их храмов, но это ложь. Государственная власть смотрит на храмы, как на общественные здания, которые она и сдает в аренду любой двадцатке на ее ответственность, при чем заключается письменный договор. Если же двадцатка нарушает свои обязательства, власть расторгает договор и передает здание любой новой двадцатке, лишь бы она принадлежала к православному культу.

Обвинение пятое: Тихоновцы обвиняют вождей обновленцев в изменении богослужения, но кто бывает в тех и других церквях, видит, что богослужение совершается и там и тут одинаково. Разве, что в некоторых церквях служат иногда при открытых царских дверях или читают Апостола, паремии или шестопсалмие на русском языке, но такие пробы делались и раньше, при прежнем положении церкви; одним это нравилось, другим нет, но никто не считал это неканоничным.

Сущность обновленчества не во внешних формах и обрядах, но в христианизации самой жизни, чтобы Дух Христов проникал в сердце людей и руководил их поступками, чтобы, трудясь на том или другом поприще, состоя на службе родине, люди старались согласовать свою общественную работу с заповедями Христа. Второй лозунг обновленчества — соборность. На съезде очень много говорилось о том, как проводить и углублять соборность в церковной жизни. Говорилось, что как духовенство, так и миряне, все сообща должны участвовать в строении церкви Христовой, и не только по управлению церкви, по поддержанию ее благолепия, по снабжению ее всем необходимым, но и в совершении самого богослужения. Управляется обновленческая Церковь Священным Синодом, избираемым из представителей от духовенства и мирян со всей русской земли. Председатель-митрополит является только старшим из членов. Выше Синода стоит поместный Собор русской церкви, созываемый периодически из представителей духовенства и мирян всей русской церкви. Собор проверяет и направляет деятельность Свящ. Синода, решает спорные церковные вопросы и вводит те или другие изменения в строение Церкви.

В каждой епархии есть свое Епархиальное Управление, подчиняющееся Свящ. Синоду, состоящее тоже из выборных от духовенства и мирян. На только что бывшем съезде мы, делегатки, как раз принимали участие в выборах нового Епархиального Ленинградского Управления. Число мирян значительно увеличено. Кроме Митрополита и 4 епископов-викариев избрано еще 4 священника и 7 мирян.

Во главе приходов стоят двадцатки, выбранные из мирян на общем приходском собрании. Они являются ответственными перед Советской властью, они управляют делами церкви и должны содержать храмы в порядке и чистоте и снабжать их всем необходимым. На съезде, между прочим, говорилось о том, как важно, чтобы двадцатки работали в полном согласии и единодушии с настоятелем храма, что только такая дружная совместная работа может дать приходу самостоятельность и укрепить приходскую жизнь. Итак, мы видим, что миряне, в лице своих выборных принимают широкое участие в управлении церковью, но этого еще мало и все остальные, рядовые миряне должны также принимать то или другое участие в церковной жизни, кто чем может. Люди со средствами могут служить церкви деньгами, другие могут давать свои силы, работу, убирать церковь, расчищать снег вокруг храма, колоть дрова, смотреть за порядком и благочинием во время богослужений, участвовать в церковном пении и чтении.

Все же прихожане вообще, и выборные, и рядовые, все без исключения должны принимать активное участие и в самом богослужении.

Наши литургия, вечерня, утренняя и другие церковные службы не представляют почти ничего общего с тем, как они совершались во времена апостолов: таким они подверглись изменениям за 2.000 лет. В настоящее время служба совершается обыкновенно священником и дьяконом, иногда при участии певчих, верующие же являются только молчаливыми зрителями, при чем многие, пожалуй, даже большинство, не могут и разобраться в том, что происходит, и понять смысл всех молитв, чтений и песнопений, которые произносятся на церковно-славянском языке, ставшим с течением времени очень мало понятным для народа. В древней Апостольской церкви было не так. Весь народ принимал участие в пении, он не исполнял только внешние обряды, но молился умом и сердцем, участвуя в общих молитвах, громко произносимых священником, напряженно следя за ходом службы, совершаемой на понятном для народа языке, чтобы во время ответить на пожелание священником мира, верующие таким же пожеланием мира, и ему и, главное не пропустить самого важного момента литургии, когда хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Христову и при этом ответить на возглас священника многозначительными Аминь, аминь и еще раз трижды Аминь. По поводу того, как привлечь народ к активному участию в богослужении много говорилось о необходимости сделать богослужебный язык понятным для народа, что возможно только при условии перевода богослужебных книг с церковно-славянского на наш современный русский язык.

Ведь мы, русские, лишены того счастья, которым пользуются все народы (кроме католиков), возносить свои молитвы Богу, беседовать с ним на своем родном языке. Христос, ниспослав на учеников благодать Св. Духа, дал им дар говорить на разных языках, и они, проповедуя по всему миру учение

Разбор 5 вопроса: в чем сущность обновленчества и какие оно выставляет лозунги?

- а) Христианизация жизни,
- б) соборность,
- в) участие народа в богослужении,
- г) замена церковно-славянского языка русским,
- д) борьба с сектантством, тихоновщиной и безбожием,
- е) деятельность в этом направлении благовестников и мирян,
- ж) братское общение приходов,
- з) устройство кружков при храмах.

Христа могли передавать его каждому народу на его родном языке.

Некоторые из священников и в городах и по глухим деревням делали пробы: отдельные части богослужения совершать на рус. языке, пробовали даже и всю литургию служить по-русски.

Многие верующие, хорошо знающие и понимающие славянский язык, хотя и для них многие места св. писания остаются непонятными, так привыкли к славянской речи, что им кажется странным и нежелательным слышать русский язык в церкви; но большинством верующих, народ, по отзывам докладчиков, были прямо счастливы слышать богослужение на родном понятном языке.

Постановлено оставить до Собора окончательное решение о переводе богослужебных книг на русский язык, отдельные же опыты: читать по-русски шестопсалмие, часы, кафизмы, паремии, Апостол, Св. Евангелие, а иногда совершать и всю литургию на рус. языке не запрещать, если это только не будет противоречить желанию прихожан. Много говорилось о том, что разделения, споры, раздоры в церкви удручающе действуют на верующих и многие, будучи не в состоянии разобраться, где правда, совсем отходят от церкви, другие уходят в сектантство.

У нас сектантство возросло на 500%, так что, если до революции сектантов насчитывалось в России 200 тысяч, то теперь их стало миллион. Объясняется небывалый успех их крепкой организацией и материальными средствами, благодаря которым они устраивают богословские и миссионерские курсы, издают журналы, книги и брошюры и планомерно ведут пропаганду, рассылая своих проповедников по всем странам, по самым глухим углам, щедрой рукой раздавая везде свою литературу. Как видите, враг силен. Надо с ним бороться всеми средствами.

Прежде всего необходимы высоко научно и богословски образованные пастыри на борьбу с сектантством и безбожием и на смену старым священнослужителям, уходящим на покой.

Нужны миссионеры-благовестники из мирян, богословски образованные и, главное, хорошо изучившие священное писание, чтобы могли разоблачать заблуждения сектантов, которые для подтверждения своего учения обыкновенно выхватывают отдельные изречения из священного писания и неправильно толкуют их, без всякой связи с предыдущими и последующими стихами. Высших богословских школ у нас существует пока только две: Богословский Институт в Ленинграде и Духовная Академия в Москве.

Был сделан подробный доклад о работе нашего Богословского Института, из которого ясно, что и учащие, и учащиеся работают с увлечением и дело налажено хорошо, но желательно было бы расширить программу, увеличить число учащихся, которых всего 55 с. (39 м. и 16 жен.), из них выпускных 12 ч. Желающих получить богословское образование, особенно с окраин, много, но им приходится отказывать, т. к. общежитие устроено всего на 13 чел. и стипендий очень мало. Вообще учреждение это, особенно важное и необходимое в переживаемое нами время, влечит довольно-таки жалкое существование из-за недостатка средств.

Содержится Богословский Институт, главным образом, на деньги, получаемые от часовни Спасителя; но ей грозит опасность быть не сегодня завтра закрытой, на 2% отчисление с доходов церквей, но они входят в весьма неаккуратные и не всеми церквями, на кружечные сборы и частные пожертвования.

Признав Богословский Институт необходимым, съезд постановил, ввиду возможного закрытия часовни, просить приходы вносить правильно и аккуратно свои 2% отчисления и устраивать раз в месяц кружечный сбор на поддержание Богословского Института. Высказано пожелание, чтобы студенты в дни кружечн. сбора посещали храмы и принимали участие в богослужении чтением, пением и произнесением пропеви, чтобы прихожане поближе познакомились и могли заинтересоваться вопросом о поддержании этого заведения. Бороться с секантами нужно их же оружием. Кроме высших богословских школ необходимо открывать краткосрочные богословские и миссионерские курсы, чтобы усилить кадр благовестников; необходимо издавать больше духовных журналов, книг, брошюрок и листовок для широкого распространения их в народе (из уже издающихся журналов особенно интересен и многосодержателен «Вестник Св. Синода», 9 р. в год, а из листовок, изданных в Самаре, 11 шт. за рубль, которые исторически всесторонне освещают все идеи обновленчества).

Но для всего этого нужны деньги и деньги, а откуда их взять? Но, если народ православный поймет важность богословского образования, необходимость духовной литературы и заинтересуется делом духовного просвещения молодежи, большею частью из народа, которая рвется к свету Христову, несмотря на все затруднения и препятствия, народ не откажется уделить грош другой из своего скромного трудового заработка на это великое дело. А из народных копеечек собираются рубли, сотни, тысячи рублей. С секантами надо бороться их же оружием; а для этого необходимо выяснить, чем привлекают сектанты православных; ведь их служение однообразно и крайне бедно по содержанию, его и сравнить нельзя с богатством и разнообразием нашего годичного круга богослужения, полного поэтических красот и предлагающего на каждый день года свое особое содержание, пронося за год пред глазами верующих все события Ветхого и Нового Завета. Правда, что эти сокровища во всей полноте доступны только немногим, интересующимся богослужебными книгами. Для народа они почти совсем скрыты, т. к. вследствие неумелого изменения и сокращения богослужебного чина людьми, мало знакомыми с содержанием богослужебных книг, большая часть чудных песнопений полагающихся на каждый день года совсем выключены из службы.

Народу нравятся сектантские сборища, на которых они не остаются пассивными зрителями, а принимают и сами активное участие в молитвах, пении, чтении и даже в проповеди, при чем все совершается на русском языке.

Кроме того, собрания эти являются и школой, где народ изучает священное писание, конечно, в освещении и толковании чисто сектантском, при чем усвоение пройденного всегда проверяется на следующем собрании.

Вот и нам следует сделать наше богослужение понятным для народа и дать возможность всем принимать участие в нем. Следует устраивать беседы, вести с народом чтение и толкование св. писания, объяснять тайный смысл и особенности богослужения и обучать их хоровому пению, и все, конечно, на рус. языке. Много говорилось с мест о том, как тяжело одиноким пастырям-обновленцам работать в тихоновском окружении; староцерковники по местам с яростью преследуют обновленцев, не гнушаясь ни клеветой, ни ложью, ни даже насилием. Решено бороться с тихоновцами только идейно; своей работой в церкви, на деле доказывая, где правда Божия и истинная любовь к Богу и ближним.

Священники из глухих углов говорили о том, какая для них была поддержка, когда из столицы приезжали уполномоченные от Синода, совершали торжественные богослужения, говорили проповеди и беседовали с народом о делах церкви. Какое это производило сильное и благотворное впечатление на народ. Очень просили почаще присылать благовестников, если нет свободных священников, то хотя бы из мирян.

Решено усилить кадр миссионеров-благовестников и в нынешнем году, когда положение Епарх. Управления укрепились, все внимание обратить на укрепление и распространение обновленчества на местах, т. е. в уездных городах и деревнях. Поднимался вопрос и о том, что миряне могут работать по борьбе с тихоновцами, секантами и неверием, им нужно только как можно больше внимания обратить на изучение священного писания.

Бывают публичные диспуты и беседы, но ведь большинство староцерковников и неверующих совсем и не идут на них, и речи проповедников так и не достигают цели. Между тем, много ли найдется таких счастливых семей, все члены которых были бы чисто верующими и православными, как было бы важно, если бы кто из семьи, знакомых или соседей мог бы при частых встречах, опираясь на слово Божие, сказать несколько искренних слов о правде Божией и любви к Богу, и людям и сумел бы Свящ. Писанием отразить их нападки на православную церковь.

Еще говорилось о братском общении приходов, чтобы материально более обеспеченные поддерживали беднейших. В истекшем году такая помощь бедным приходам была оказана Смоленским кладбищем, Спасо-Сеновским Собором и Андреевским Собором.

Еще духовенство вынесло постановление о вспомоществовании семьям умерших священнослужителей, делая ежемесячные отчисления из своего содержания. При некоторых церквях открыты кружки и трезвенников, женщин, молодежи, комитеты мирян и т. д. При нашем Матфиевском Соборе открывается кружок трезвенников, беседы с ними назначены по

четвергам с 7 ч. и предполагается открыть кружок женщин, желающих потрудиться на церковь, а вместе и получать при этом духовное назидаение.

Общий вывод из всего сказанного.

Обновленчество не вводит ничего нового в жизнь церкви, но лишь стремится вернуть ей и первоначальную чистоту; главная же цель обновленчества нравственно возродить людей, считающих себя членами православной церкви. Христос сказал Никодиму: «истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, то не может увидеть царствия Божия» (Матф. 3, 3.). «Свыше», значит, чтобы спастись нам нужна благодать Божия, но она сходит ведь только на тех, кто сам стремится всею душою к нравственному возрождению.

Так вот, чтобы спастись, чтобы возродиться нам следует самим подумать о своем спасении и предпринять что-либо

решительное, вступить в беспощадную борьбу с своим собственным греховным я. Но не легче ли нам будет идти к возрождению и вести борьбу с нашими греховными наклонностями не каждому отдельно, а соборно (всем сообща), взаимно подбодрая и поддерживая друг друга. Для этого нам, прихожанам, необходимо объединиться вокруг нашего храма, сплотиться, слиться в одну дружную семью, во главе с нашими пастырями, как нашими ближайшими руководителями в деле нашего спасения. В этом нам очень поможет устройство тех или других кружков при церкви.

Делегатка Матфиевского Собора

А. П. Митурич.

20 февраля
1927 г.

По поводу моего перехода в обновленчество.

Будучи по своим церковным воззрениям уже давно обновленцем, т.-е. человеком, который имел в себе и лелеял мечту о церковной реформе в самом широком смысле слова, я, как это ни удивительно, за эти годы оказался в рядах противников нового движения. Мое имя как «тихоновского епископа Сергия» (в Туркестане), оказалось занесенным на страницы «Вестника Священного Синода» (№ 7—26 г.) в повременном обзоре проф. Титлинова. Там упомянуто о моих посланиях... Да, это самое главное, самое большое и вызывающее у автора посланий доселе болезненное чувство досады и раскаяния. Упомянутые послания тем именно и страшны, что в них содержится неподобающая смелость и категоричность суждений, и также и осуждения предвещающие во всяком случае более компетентной инстанции, чем голос одного епископа. К тому же все это допущено в вопросе, мало уясненном в нашей канонике, и на протяжении древней и новой церковной истории разрешавшемся неодинаково. Я имею в виду догматико-канонический взгляд на всякие церковные разделения, обособляющиеся в форму отдельных «церквей» (раскол и ереси).

К сожалению, мне пришлось на себе убедиться, что церковная борьба, как и всякая другая (война), создает определенную психологию. «Война рождает героев», т.-е. безумно смелых людей; и психология церковной борьбы также, оказывается, поработает даже тех, кто дотоле был далек от нее. Просто сказать, в такие периоды ни за кого нельзя ручаться, и никто за себя не может ручаться, что он не сделает какого-либо шага неожиданного, странного, неосновательного и т. п., но геройского в своем роде. Служители церкви тоже ведь, люди...

В целях уяснения того, что случилось (со мною), я считаю полезным привести ниже мое письмо, предназначавшееся для газеты «Правда Востока» (в Ташкенте). Там оно будет напечатано в сокращенном и несколько измененном виде, здесь же я его привожу полностью. Вот оно:

«Желая рассеять недоумения по поводу сделанного мною шага (присоединения к обновленческому движению и признания Священного Синода), считаю своим долгом сказать, что это сделано мною не по одному, а по нескольким основаниям. Главное из них заключается в том, что наша, так наз. старая Церковь (патриаршеская), следуя своей исторической византийской тенденции, не пожелала считаться с тем великим сдвигом, который произошел в сознании нашего русского народа за последние, революционные годы...

Новые идеи, новые идеалы и уклады жизни социальной и политической, которые были столь возжеланны для всех лучших людей еще с эпохи Возрождения (XIV в.), стали и у нас, наконец, действительностью и прошли в жизнь. Церкви нашей оставалось лишь отозваться на все это сочувственно и поставить себе задачу: ликвидировать у себя (в своем быту, формах, порядках, сознании) все то, что носит явную печать прошлых веков, живших в условиях неравенства, деспотизма, суеверий, формализма, фетишизма и т. п. Но случилось другое...

Начавшееся у нас в 1922 г. новое церковное движение («Живая Церковь») вылилось по началу в бурный протест против наиболее досаждавших исторических форм русского православия. Я разумею здесь монашескую самодержавную епископату, монастыри, мощи и т. д. Но новое движение

было, несомненно, сдвигом церковного православного сознания в сторону освобождения нашей Церкви от тех сторон и явлений, которые должны быть признаны не более, как мертвыми пережитками прошлого, пустыми бессодержательными формами. Однако, новое движение было встречено сильнейшим протестом со стороны верхов нашего духовенства, считающего себя блюстителями канонов. Епископат, в лице некоторых своих представителей, объявил новое движение даже еретическим... Между тем оно на первых порах сделало очень немного: отрицало патриаршую форму управления и ограничило власть епископов.

Как епископ «старой» Церкви, я в 1922 г. не нашел возможным примкнуть к новому течению, но идеям его, как сказано выше, я давно сочувствовал и даже выступал публично с целью их пропаганды. Невозможность примкнуть к новому движению, тогда, объяснялось у меня причинами случайными, неприципиальными. Я думаю, что эти причины были реальны не только для меня, но и для других. Дальнейшие же мои расхождения с обновленцами и даже активные выступления против них здесь, в Туркестане, вытекали из возникшего у меня искреннего стремления быть верным канонам, охраняющим единство Церкви. Мне казалось тогда, что отступление от известных канонов угрожает поставить человека вне церкви (спасительного ковчега)... Мнение же Св. Василия Великого (в его послании к Амфилохию) увлекло меня и односторонне поработило (между тем оно вовсе не таково, чтобы на нем можно было твердо базироваться).

Потребовалось время, чтобы я увидел все происходившее в совершенно ином свете. Внимая голосу самой жизни, я не канонов, — я пришел к убеждению, что происходящая у нас борьба далека от правды Христовой. Я почувствовал реально, что в нашей Церкви уже давно реальная жизнь (религиозная вообще), принесена в жертву букве-канонам и мертвым формам... Между тем, надо принять во внимание, что, по ясновому свидетельству Слова Божия, христианство есть прежде всего жизнь (см. Иоан. 1, 4; 10, 10; 20, 13; 1 Иоан. 1, 2; 1 Тим. 6, 12 и др.). И она, эта жизнь, не может быть заключена в неподвижные мертвые формы: она требует развития, движения, приспособления... Окружающая историческая обстановка, поэтому, не может не оказывать влияния на церковные формы (в организации управления, богослужении, даже учении и т. п.). То, что было хорошо и полезно в церковной жизни в одном веке, это же самое может оказаться вредным и нецелесообразным в другом. Сама Церковь руководилась еще издревле этим принципом (см. 12-е прав. Трульского Собора).

И так, по моему убеждению, каноны могут быть принесены и даже должны быть принесены в жертву требованиям жизни. Жизнь церковная должна быть поставлена выше канонов: ее запросы, нужды должны служить регулятором церковной работы в данной церкви в данный исторический момент. Следовательно, каноника не есть второе евангелие, ибо есть только одно евангелие, от которого жизнь церковная никогда не должна быть отрываемая. Новое церковное движение в нашей Церкви, названное обновленчеством, и есть грандиозная попытка вернуть течение церковно-православной жизни в животворное русло евангелия, выведши его через сооруженные каналы, из исторической трясины византийского направления. Новое

движение именно хочет свободного осуществления христианского евангельского идеала в условиях современного культурного, социального и политического сознания.

«Се древняя мимо идоша, се быша вся нова».

Настоящим письмом я, след., аннулирую (отменяю) значение своих канонических посланий, с которыми я обращался к духовенству и мирянам Туркестанской и Семиреченской

епархии (в 1925 г.), по поводу обновленческого движения. Все я отменяю ради чего-то высшего: ради правды, о которой вопиет сама жизнь, ради Христа, ради мира, любви, свободы, ради духа (а не буквы, — см. 2, Кор. 3-я глава), ради заповедей Божиих, чтобы не предпочесть им «предания человеческие» (см. Мрк. 7, 9).

Епископ Сергей.

Речь, произнесенная епископом Сергием (Лавровым)

при выступлении в братское во Христе общение с Преосвященным Митрополитом Николаем и духовенством г. Ташкента за всенощным бдением в неделю сыропустную (20 февраля), в Кафедральном Преображенском Соборе.

Преосвященнейший Владыко, честные пресвитеры и братья, и сестры во Христе!

— По воле Божией, пребыл я более четырех лет в пределах Туркестанской епархии и принял участие в ее церковных делах. По временам это участие было очень активным... Теперь, когда вы видите меня стоящим в сем храме, в который я не входил с августа месяца 1923 года, я имею долг предложить вам объяснение о мотивах, побудивших меня к той перемене, о которой идет речь, т.е. о моем присоединении к обновленческой группе духовенства нашей единой Православной Церкви.

Сегодня с этого амвона я буду говорить вам в тройном отношении: как епископ, т.е., как служитель Церкви; как гражданин, и как человек. Само собою понятно, что больше всего и полнее я могу говорить, как епископ, ибо это есть первая и самая главная сторона в моем бытии. Меньше всего я буду говорить, как человек, т.е. я считаю своим долгом только коснуться этой стороны, ибо для меня все три они являются единым и хотят соединиться в гармоническом соответствии. В таком только соединении их и может заключаться правда.

1. Как епископ «старой» Церкви, выступавший против нового церковного движения и не имевший братского общения с его сторонниками и деятелями, я в конце-концов поставил себе вопрос: почему это? Как могло случиться, что я, бывший давно задушевным сторонником обновления Церкви, очутился в рядах его противников? Этот вопрос я поставил себе недавно — месяц, полтора назад... В попытке найти ответ на этот вопрос я остановился на истории жизни пророка Божия Илии, рассказанной в 3-й Книге Царств. Мы знаем, каким великим ревнителем был этот пророк, знаем, как энергично и бесстрашно он выступал на обличение своих единоплеменников, увлекавшихся на путь служения Ваалу и другим языческим богам. И притом заметил, что он выступал тогда, когда на это имелись веские основания, ибо дело шло о том — поклоняться ли истинному, единому Богу, или быть язычником, многобожником. Но что случилось в конце-концов с этим великим пророком? С ним случилось то страшное и тяжелое, убийственно-гнетущее душу, из-за чего он просил у Бога... смерти. Как же это произошло? Проследим шаг за шагом весь этот трагический процесс.

Дело в том, что по инициативе пророка Илии был устроен, с разрешения царского, своего рода религиозный диспут, — вернее говоря, молитвенный диспут между ним и жрецами языческих вер. Последние были собраны в полном числе 850 человек. Дерзновение и вера Илии были очень велики: он предложил каждой стороне, путем молитвы, низвести огонь с неба на предложенные жертвы (двух тельцов — одного от Илии, другого — от жрецов). Мы знаем, чья молитва была услышана истинным, единым Богом... Жрецы Ваала напрасно зывали целый день... Ответа на их зов не последовало... Илия помолился краткой молитвой, и сошел огонь, который не только попалил приготовленного им тельца, но и испарил воду, наполнившую окружающий жертвенный ров...

Молитва Илии услышана. В порыве восторга присутствовавший во множестве народ исповедал величие израильского Бога... Что же теперь делает Илия? В этот священнейший и возвышенный момент Илия становится «подобострастным нам» человеком (Иакова, 5-ая глава). Он пользуется внезапным религиозным порывом толпы, признавшей его победителем и защитником Божией правды. Он призывает толпу схватить всех жрецов, приказывает отвести к потоку Кедрон и там,

пользуясь народным порывом сочувствия, всех их уничтожает — закалывает... Илия пролил кровь...

Это — тот Илия, который вскоре будет говорить: «Господи, жертвенники Твои разрушили, пророков Твоих убили, остался я один и моей души ищут...». Но не в этом главное, это — человеческое, «подобострастное». А самое главное, глубокое и возвышенное впереди. Последуем же за Илией.

Лишившись других жизни, хотя и в порыве религиозной ревности, Илия должен был спасти собственную жизнь: боясь мести со стороны жестокой Иезавели (царицы), он убежал в пустыню. Сорок дней он пробыв в пути, пока дошел до Хорива. Здесь он приготовился умереть... «Возьми, Господи, жизнь мою, ибо я не лучше отцов моих...». Что он этим хотел сказать? Не пережил ли он момента ужасного внутреннего терзания — за то, что поддавался этому чувству «подобострастного» человека, чувству мести, раздражения, ревности, граничащей с ненавистью?.. Не ясно ли, что Илия был не только пророк, но и «подобострастный» человек? Но Господь, всемилостливый и всеблагий, именно теперь открылся Ему в Своей истинной природе.

Господь поставил Илию у пещеры, как некогда — Моисея, и сказал: «Я пойду здесь сначала, как бурный ветер... — но не в ветре Господь, — затем, как землетрясение, — и не в нем Господь, — потом, как огонь, — и не в огне Господь, — наконец, будет веяние тихого ветерка (по-славянски: «глас хлада тонка») — и там Господь...».

Теперь для Илии все должно было стать понятным: он сделал то, что Богу не угодно. Человеческая ревность, иначе сказать, не творит правды Божией (как и гнев человека); она — во имя Бога, но она — не от Бога. Все, что сокрушает, разрушает, потрясает жизнь до уничтожения, все такое, если исходит от человека, не есть Божие, а потому и не есть богоугодное! Глас хлада тонка, — вот, где Господь, вот, где Божие действие. Сказать другими словами (Нового Завета): «Бог есть любовь...».

Вот что объясняет нам история Илии. Отсюда должна исходить настоящая оценка и всякой церковной ревности. И у нас (в церковных раздорах), и в моих выступлениях — было все это. Была буря, было сотрясение, был огонь, сожигающий, было сокрушающее, огорчительное... было, но... нет его: утихла буря, потух огонь... Почему? Потому, что повеял «глас хлада тонка», потому, что я увидел, что не во вражде Господь и не в осуждениях, и не в превозношениях Господь... В мире, любви, братстве и кротости, — вот, где Господь. «Бог есть любовь», — вот основное. Любовь же не может делать того, что делается во имя так назыв. ревности. «Будем искать того, что служит к миру и взаимному назиданию».

Теперь я, присоединяясь к новому движению, ради его идей, становлюсь на свое, так сказать, место, и в этом мое оправдание перед историей, ибо я — и все мы — принадлежим ей.

2. Сделанный мною шаг, я осмысливаю и с гражданской стороны, т.е. хочу говорить о нем, как гражданин своего государства, хотя говорю с амвона, в храме. Гражданство для служителя Церкви не может быть чем-то маловажным, безразличным... Нет, оно есть и должно быть принимаемо, как нечто значительное и ценное. Этому научает нас пример великого апостола Павла. Ап. Павел ценил свое римское гражданство. «Я — римский гражданин», — эта типичная в те времена фраза, выражала сознание радости и гордости о тех правах и преимуществах, которые давало человеку римское гражданство. Не один раз апостол произносил эту фразу и использовал права, о которых она говорила. Один раз он таким путем избавил себя

от телесного наказания, в другой раз на этом основании он добился перенесения своего судебного процесса на усмотрение самого «кесаря» (императора).

Что же я? Как гражданин, я принадлежал и принадлежу новой России, новой истории... Я благословляю и лобзаю все те политические и социальные завоевания и блага, которые получил наш народ за последнее десятилетие... Свобода, избавление от политического и социального плена, в котором русский народ пребывал веками, — как это все возвышенно и ценно. Не только по церковному своему сознанию, но и как гражданин, перемены своего церковного положения, я хочу свидетельствовать о желательности для нас нового церковного бытия, в условиях новой политической и социальной жизни... Да будет!

3. Наконец, как человек, я заявляю, что и здесь я хочу и ищу свободы. Свобода церковная, т.е. свобода веры и культа; свобода гражданская, т.е. политическая и социальная, не могут не заключаться для нас, епископов, свободой личности. Право на личную жизнь, на ее устройство должно сделаться неотъемлемым для епископа. Епископ не должен быть оторванным, стоять далеко от жизни. Он должен знать ее, чтобы уметь ее направлять — в других. Отчужденность епископата от жизни влечет за собою вредные последствия для обеих сторон. Идеологически это — большая тайна. Вот ее прообраз. Сам Сын Божий, как веруем мы, восхотевши спасти человека, сошел с неба на землю, т.е. сошел с божественного в земное, сошел с божественного величия — недоступности. Он добровольно, любви ради к человеку, сменил это божественное величие на униженное существование в рабском человеческом образе. Бог соединился с человеком... Поэтому, читаем у ап.

Павла: «Он не стыдится называть их (своих учеников) братьями: возведу имя Твое братии Моей...». Но сказано и больше: «Посему не от ангелов Он воспринимает (природу человеческую), но от семени Авраамова», ибо, «так как дети причастны плоти и крови, то и Он воспринял оные, чтобы быть милостивым Первосвященником для людей перед Богом, и чтобы Он, будучи искушен Сам всячески, мог помогать искушенным». Вот как апостол, принявший Евангелие от Бога, изъясняет тайну боговоплощения. Вывод я не буду делать.

В сознании всего пережитого и пережитого за эти годы церковного раздора, я теперь обращаюсь, прежде всего, к этому святому алтарю и, поклоняясь, говорю: прости мне, сей святой Престол славы Божией, от одного взирания на который человек делается счастлив, — прости мне, что я не прославил Тебя и других не наставил, как нужно, благоговеть пред Тобою, особенно, когда на Тебе приносятся Богу спасительные Тайны.

Простите мне, сей святой храм и все эти священные изображения, освящающие храм, то, что я не был доселе усерден к этому дому Божию, о котором ясно сказано, что он есть «дом молитвы». Это — дом Божий и, пока он такой, смело и с надеждою всякая верующая душа, да входит в него на молитву.

Простите мне, ты, Владыко, и вы честные отцы, если я не исполнил заповедь апостола: «В почтительности друг друга предупреждайте». Простите меня и вы, братья и сестры, если я кого смутил словом или делом в отношении этого и других подобных храмов и служб, в них совершаемых. Простите и помолитесь, да управит Господь ко благу мое служение Св. Церкви!